

ВОПРОСЪ
О РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФОРМАЦИИ
XVI ВѢКА
ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ
ВЪ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

(Критико-библиографическій очеркъ).

Н. Карѣва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева, Еватернин. кан., д. 78.

1885

107595

I.

За послѣднія двадцать лѣтъ польская историческая наука сдѣлала значительные успѣхи. „Работа надъ исторіей прежней Польши“, писалъ въ 1880 г. покойный профессоръ Краковскаго университета Юсифъ Шуйскій,—„находится въ стадіи полнаго развитія. Съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, и съ каждымъ годомъ растетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются эпизоды на основахъ бѣльшаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія“¹⁾. Самый характеръ польской исторіографіи измѣнился за послѣднее время сравнительно съ тѣмъ, что она изъ себя представляла прежде, и это отразилось между прочимъ на отношеніи польскихъ историковъ къ реформаціонному движенію XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой.

Въ развитіи польской исторіографіи можно различить три періода²⁾. Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это — школа Нарушевича, который первый оставилъ компиляторство, господствовавшее въ польской исторіографіи, начиная съ XVII вѣка, сталъ разыскивать и изучать источники, сдѣлалъ попытку внести въ изслѣдованіе свѣтъ критики и обратилъ вниманіе на внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой. Хорошую сторону этой школы составляло то, что Нарушевичъ и его послѣдователи, жившіе въ эпоху политическаго паденія Польши или очень къ ней близкую, не закрывали совершенно глазъ на недостатки

¹⁾ *Szujski*. *Historji polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście*. Warszawa. 1880. *Wstępne słowo*.

²⁾ *Michał Bobrzyński*. *Dzieje Polski w zarysie*. Warszawa. 1880. *Wstęp*. II o nauce historyi polskiej i jej umiejętnein badaniu.

своего національнаго и государственнаго прошлаго¹⁾; но уже тутъ начинается стремленіе „пѣть“, какъ выражается современный польскій историкъ М. Бобржинскій, „хвалебный гимнъ въ честь прошлаго“²⁾). Между прочимъ эта школа совершенно не хотѣла заниматься царствованіемъ обоихъ Сигизмундовъ Ягеллоновъ, какъ эпохой религіозной реформаціи, предмета довольно щекотливаго для историка націи, преданной католической церкви часто до фанатизма: въ Польшѣ, по словамъ профессора Закржевскаго, „католицизму до такой степени удалось изгладить память о реформаціи, что поляки начали почти стыдиться своего временнаго отъ него отступничества, и это, конечно, слѣдуетъ признать за причину того, что исторіей реформаціи въ Польшѣ почти никто не занимался“³⁾). Притомъ это была пора, когда историки любили останавливаться на отдѣльныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни⁴⁾). Второй періодъ польской исторіографіи — съ конца двадцатыхъ годовъ до конца пятидесятихъ: это — школа Іоахима Лелевеля, школа романтической эпохи въ политикѣ и литературѣ, закончившейся политическимъ мистицизмомъ Короновича⁵⁾ и республиканскимъ доктринерствомъ Генриха Шмитта⁶⁾). Изученіе исторіи по источникамъ двинулось впередъ, приемы критики усовершенствовались, задачи изслѣдованія расширились, но въ то же время въ основу историческаго представленія и сужденія кладется идеализація прошлаго Рѣчи Посполитой при помощи чисто апріорной исторической конструкціи. „Исторія“, говоритъ профессоръ Шуйскій, — „приняла форму апологіи нашего историческаго общества, направленную прежде всего противъ вѣшняго зла“. Такому направленію исторіографіи, кромѣ общихъ условій, въ которыхъ польское общество получало свое историческое воспитаніе, содѣйствовали еще два обстоятельства: во-первыхъ, изданіе историческихъ памятниковъ, которые, обогащая науку фактами, въ то же время служили бы провѣркой и опроверженіемъ

1) *Szujski*, стр. II.

2) *Bobrzyński*, I, 43.

3) *Zakrzewski*. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce. 1870. стр. 6.

4) По исторіи церкви въ это время отмѣтимъ только сочиненіе *Остrowsкаго*: *Dzieje i prawa kościoła polskiego*. 1793.

5) *Wróblewski* (псевд. *Koronowicz*). *Słowo dziejów polskich*. Lipsk. 1858—59.

6) *H. Schmitt*. *Rys dziejów narodu polskiego*. Lwów. 1855—60. *Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane*. Lwów. 1861. *Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu*. Lwów. 1869.

гипотезъ и фантазій, было въ полномъ пренебреженіи; воторыхъ, за историческія работы брались главнымъ образомъ диллетанты, плохо знакомые съ политическими науками и съ исторіей другихъ странъ. Замѣчательно и то, что польскіе историки большею частью игнорировали работы историковъ другихъ народовъ, касающіяся прямо прошлыхъ судебъ Рѣчи Посполитой, и совсѣмъ не брались за темы изъ исторіи другихъ странъ, что имѣетъ силу и до сего времени. Школа Лелевеля равнымъ образомъ коснулась реформаціонной эпохи въ Польшѣ только въ общихъ руководствахъ, да и то поверхностно, потому что не имѣла необходимыхъ источниковъ и не сумѣла воспользоваться ими для своей доктрины ¹⁾. Правда, не всѣ польскіе историки 1830-хъ — 1850-хъ годовъ принадлежали къ „школѣ“, и именно въ этотъ періодъ времени явились историки, занявшіеся впервые польскою реформаціей ²⁾, но никто изъ этихъ отщепенцевъ не выступалъ противъ господствовавшей лелевелевской теоріи и не выставлялъ новаго общаго взгляда на польскую исторію, а если кто и полемизировалъ, то чтобы не только повторять въ иной формѣ принципиальныя ошибки Лелевеля, но даже возводить ихъ въ квадратъ. Только новыя политическія разочарованія польскаго общества заставили его отнестись критически къ излюбленнымъ историческимъ теоріямъ: самъ собою явился вопросъ, почему всѣ эти частныя и общественныя добродѣтели польскаго общества, о которыхъ столько писалось въ книгахъ, не привели поляковъ къ тому, чѣмъ пользуются другіе народы, а для рѣшенія этого вопроса нужно было иначе отнестись къ своему прошлому. Первымъ дѣломъ взялись за изданіе памятниковъ: явились для этого средства такихъ меценатовъ, какъ Рачинскіе, Дзялынскіе, Пржездзѣцкіе, Красинскіе ³⁾; въ этомъ приняли дѣятельное участіе такія учрежденія, какъ краковская академія наукъ, познанское общество любителей наукъ, львовскій Wyział krajowy, варшавское издательство историческихъ источниковъ и т. д.; способы изданія источниковъ были улучшены ⁴⁾. Между прочимъ за эти послѣднія двадцать лѣтъ

¹⁾ *Bobrzyński*. II, 58.

²⁾ *Гр. Красинскій*, писавшій, впрочемъ, по англійски, и *Лукашевичъ*.

³⁾ Такіе меценаты дѣйствовали и раньше, но не такъ систематически.

⁴⁾ *A. Bielowski*. *Monumenta Poloniae historica*. 1864 — 79. *Scriptores rerum polonicarum*. Kraków. (Съ 1870 г.), *Lubomirski*. *Księga ziemi czerskiej*. Warszawa. 1879. *Działyński*. *Acta Tomiciana*. Poznań. 1852—79. *Biblioteka Krasiniskich* Warszawa. (Съ 1868 г.). *Rykczewski*. *Relacye numeryszów o Polsce*. 1864. *Zakrzewski*.

особенно много было издано источниковъ для исторіи XVI вѣка, къ изученію котораго вообще обратились теперь съ большею, чѣмъ прежде, охотою ¹⁾. Теперь настало время отнестись научно и къ забытой прежними польскими историками религіозной реформаціи XVI вѣка: польская исторіографія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія ²⁾, въ ней начинается новое направленіе съ чисто научнымъ характеромъ.

Посвящая этотъ этюдъ исторіи изученія религіозной реформаціи въ Польшѣ XVI вѣка, мы сочли нужнымъ указать на общее движеніе польской исторической науки. Изъ краткаго очерка, сдѣланнаго нами, каждый легко можетъ видѣть, что ни общее политическое воспитаніе польскаго общества, ни спеціально католическій его характеръ не могли содѣйствовать правильному отношенію большинства польскихъ историковъ къ религіозной реформаціи XVI вѣка: только представители новой исторіографіи въ Польшѣ, да и то за исключеніемъ увлекающихся, подобно Шуйскому, вѣроисповѣдную антипатіей къ протестантизму, отнесли къ предмету вполне объективно. При всемъ уваженіи нашемъ къ польскимъ историкамъ, поставившимъ вопросъ о реформаціи въ Рѣчи Посполитой на надлежащую почву, мы не можемъ однако не упрекнуть этихъ историковъ въ томъ, что они слишкомъ отрываютъ изученіе реформаціи въ Польшѣ отъ изученія реформаціоннаго движенія вообще въ Европѣ. Впрочемъ, это—одна изъ особенностей польской исторической науки вообще: она беретъ для разработки только чисто національныя темы, такъ-сказать, игнорируя существованіе другихъ народовъ, а это, конечно, суживаетъ умственный горизонтъ польскихъ историковъ ³⁾. Польская исторіографія главнымъ образомъ—національная и націоналистическая: въ ней нѣтъ интереса къ постороннимъ темамъ и весьма рѣдко спокойное отношеніе къ предмету безъ патріотическихъ увлеченій и соображеній. Долгое время польскіе историки не считали нужнымъ пользоваться результатами нѣмецкой и русской исторической науки, даже когда не могли пожало-

Korespondencya Kardynała Hozyusza. Kraków. 1878. *Wisłocki*. Korespondencya Andrzeja Zebrzydowskiego. Kraków. 1878. *Źródła dziejowe* профессора *Павинскаго* въ Варшавѣ и др.

¹⁾ Я не имѣю возможности говорить здѣсь обо всехъ работахъ по XVI в. Названія главнѣйшихъ читателей найдетъ у Бобржинскаго и Шуйскаго.

²⁾ *Szujski*, op. cit. стр. IV—V; *Bobrzyński*, I, 60—63.

³⁾ Самъ Шуйскій, говоря о лелевелевской школѣ, замѣчаетъ, что въ ней wyrażono najistotniejszy czynnik badania, czynnik porównawczy, стр. III.

ваться на ихъ анти-польскую тенденцію ¹⁾. Только теперь они начинаютъ приходить къ тому убѣжденію, что иноземные историки польскихъ дѣлъ во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше собственныхъ, и что игнорировать ихъ нельзя ²⁾. Этотъ замкнутый, націоналистическій характеръ польской историографіи лишалъ національныхъ изслѣдователей судебъ Рѣчи Посполитой возможности лучше понимать свое изъ сравненія съ чужимъ и заставлялъ ихъ скрывать историческую правду, щекотливую для національнаго патриотизма, а къ числу такихъ правдъ, конечно, относилась и реформація XVI вѣка при католической окраскѣ польскаго національнаго чувства. Въ виду недостатка искренности въ прежнихъ историческихъ школахъ, новая стала принципиально защищать право историка говорить голую правду: необходимо,—говоритъ Бобржинскій,—окончательно порвать съ девизомъ такого рода: „раскрытіе нашей истины опозоритъ насъ у чужихъ, дастъ основанія для несправедливостей, которыя намъ сдѣланы, отвратитъ нашу молодежь отъ прошлаго и традиціи, а у насъ самихъ отниметъ энергію для дальнѣйшей работы“ (I, 62). До какой степени этотъ девизъ укоренился въ польской историографіи, можно видѣть изъ того, что самъ Бобржинскій не свободенъ отъ недостатка, противъ котораго ратуетъ. Подемизируя съ тѣми, которые „чернятъ“ реформацію и „заслоняютъ ея хорошія стороны“, онъ замѣчаетъ между прочимъ, что не только задача исторіи, но и „народная гордость“ не позволяетъ этого дѣлать: „если ужъ фактъ, что мы въ извѣстную пору увлеклись реформаціей, то для насъ же лучше (to lepiej dla nas), когда изъ добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдованій окажется, что мы это сдѣлали, говоря вообще, изъ благородныхъ побужденій, что мы старались изъ реформаціи извлечь для своего развитія какъ можно болѣе выгодъ“ (II, 68).

¹⁾ Kiedy zaś, говорить *Bobrzyński*,—historycy obcy z pewnem uczuciem wyższości o naszych się odzywali, my zamiast skutecznem współzawodnictwem sobie samym ostatnie naukowe słowo o przeszłości naszej zapewnić, odpowiadaliśmy im nieraz tylko chełpliwą przechwałką i z prac obcych mały czerpali pożytek. I, 59.

²⁾ Niepospolitą i wyższością metody odznaczającą rolę musieli w pracy około historii państwa polskiego odegrać cudzoziemcy, bardziej przedmiotowo na rzecz patrzący i z góry posiadający warunki niezbędnej porównawczości. *Szujski*, стр. IV. Tymczasem dziejami naszymi zaczęli się zajmować więcej uczeni obcy... Znaleźli się między nimi obok wielu mierności także ludzie wyposażeni talentem, nowszą metodą badania, usilną pracą, a wznoszący się ponad ciasny widnokrąg narodowych swych uprzedzeń i interesów. *Bobrzyński*. I, 59.

Эта точка зрѣнія „народной гордости“ сильно сквозить во всей польской исторіографіи. Въ отношеніи къ реформаціонному движенію гордиться можно было тѣмъ, что въ концѣ концовъ поляки вышли изъ своего временнаго отступничества, или тѣмъ, что изъ реформаціи они старались сдѣлать прогрессивное употребленіе.

Болѣе объективному и чисто научному отношенію къ своей реформаціи польскіе историки могли бы отчасти научиться у иностранныхъ историковъ протестантизма въ Рѣчи Посполитой: этимъ предметомъ, дѣйствительно, съ прошлаго столѣтія занимались нѣмецкіе ученые, хотя разсматривали они его съ точки зрѣнія исключительно церковной и притомъ вѣроисповѣдной (лютеранской), не дѣлая вдобавокъ самостоятельныхъ розысканій новаго матеріала. Нельзя однако отрицать значенія этихъ нѣмецкихъ писателей о польской реформаціи: начиная съ конца XVII столѣтія до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, поляки сами совершенно не занимались предметомъ, и нѣмцы были единственными авторами сочиненій по исторіи польскихъ диссидентовъ. Что касается русскихъ историковъ, то реформаціонной эпохи польской исторіи они касались по ея отношенію къ литовскимъ и юго- и западно-русскимъ дѣламъ, и только за самое послѣднее время въ нашей литературѣ появились два изслѣдованія, самостоятельно трактующія исторію реформаціи въ Польшѣ, но они были написаны уже послѣ того, какъ сами поляки стали вполне научно относиться къ предмету. Многочисленныя рецензіи, которыя напечатаны объ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“ профессора Любовича въ польскихъ журналахъ и газетахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что поляки вышли изъ своей прежней національной замкнутости. Но имъ необходимо сдѣлать впередъ еще одинъ шагъ—расширить область историческаго изученія другими народами, когда изслѣдованіе ихъ жизни имѣетъ высокій теоретическій интересъ или отношеніе къ самой польской жизни: конечно, изученіе реформаціи на Западѣ, помимо своего общаго интереса, для польской исторіи имѣетъ и особое значеніе, и польскіе историки въ этомъ отношеніи должны были бы брать примѣръ съ другихъ народовъ.

Въ свое оправданіе поляки могутъ указывать на сравнительно незначительное количество своихъ ученыхъ силъ и на неразработанность существеннѣйшихъ вопросовъ самой польской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ польской исторіографіи столько поставленныхъ вопросовъ и такъ мало прочныхъ рѣшеній ¹⁾. Реформаціи еще посчастливилось за послѣднее время, а сколько темъ, которыя мы, рус-

¹⁾ *Bobrzyński*, I, 58.

скіе, привыкли считать важнѣйшими, остаются еще не разработанными въ польской литературѣ. Среди нихъ замѣтное мѣсто принадлежитъ судьбамъ большинства польскаго народа, исторіи крестьянъ. Какъ прежде католическая Польша игнорировала свою реформацію XVI вѣка, такъ шляхетская интеллигенція страны совсѣмъ почти не интересуется народнымъ бытомъ не съ этнографической и идиллической точки зрѣнія, а съ исторической, соціальной и экономической: въ самомъ дѣлѣ, литература этого предмета поразительно бѣдна. Въ пятидесятыхъ годахъ князь Любомірскій писалъ статьи о земледѣльческомъ сословіи въ Польшѣ ¹⁾, да Ставискій издалъ „Розысканія изъ исторіи сельскаго хозяйства“ ²⁾; потомъ въ 1874 году старикъ Мацѣевскій напечаталъ въ высшей степени странную, неудобочитаемую и темную „Исторію польскихъ крестьянъ“ ³⁾; да въ 1881 году, сочинитель повѣстей (powieściopisarz) Валерій Приборовскій написалъ лжепатріотическій памфлетъ въ формѣ историческаго сочиненія подъ заглавіемъ „Крестьяне у насъ и въ другихъ мѣстахъ“ ⁴⁾,—вотъ пока и все! ⁵⁾ Въ этой области даже не замѣтно никакого оживленія за послѣднее время, и польскій хлопь еще не дѣлается центральною фігурой частнаго направленія исторической литературы. Быть можетъ, причина этого въ томъ, что до сихъ поръ мало изданныхъ памятниковъ для такой исторіи, но нельзя отрицать и того, что самый интересъ къ предмету пока незначителенъ.

Но обратимся къ главному предмету нашей статьи, къ исторіи изученія польской реформаціи.

II.

Первое историческое описаніе реформаціи въ Польшѣ принадлежитъ протестантскому священнику Андрею Венгерскому, издавшему подъ псевдонимомъ Адриана Регенвольскаго въ 1652 году „Историко хронологическую систему славянскихъ церквей“ ⁶⁾, въ ко-

¹⁾ *Lubomirski*. Rolnicza ludność w Polsce. (*Biblioteka Warszawska*. 1857 sq.).

²⁾ *Stawiski*. Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego. Warszawa. 1858.

³⁾ *W. A. Maciejowski*. Historia włościan w Polsce. Poznań. 1874.

⁴⁾ *Walery Przyborowski*. Włościanie u nas i dzieindziej. Wilno. 1881.

⁵⁾ У насъ объ этомъ предметѣ статья Ю. С. Ржевскаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1858 годъ и книга г. Горемыкина.

⁶⁾ *Adriani Regenwolscii*. Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum per provincias varias. Trajecti ad Rhenum. 1652. Второе изданіе вышло въ 1679 г. подъ заглавіемъ: *Slavonia reformata* и съ настоящимъ именемъ автора.

торой отведено мѣсто и польской реформаціи. Авторъ этого сочиненія поставилъ себѣ задачей написать краткую исторію христіанства у славянъ со времени его утвержденія до середины XVII вѣка; въ этихъ рамкахъ разсматриваетъ онъ и исторію Польской церкви. Именно въ первой „книгѣ“ пять главъ (5—9) посвящено гуситству, изъ коихъ одна (7-я) трактуетъ de reformatione ecclesiarum per Hussitas Bohemos in Polonia (стр. 22—25), и четыре послѣднія главы (13—16) посвящены распространенію протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ (стр. 71—150); далѣе, четыре же послѣднія главы (13—16) второй „книги“, въ которой идетъ рѣчь о преслѣдованіяхъ церкви въ разныхъ славянскихъ странахъ, опять разсматриваютъ польско-литовскія отношенія (стр. 206—264), равно какъ и въ третьей „книгѣ“, содержащей въ себѣ обзоръ богослововъ и пастырей славянскихъ, опять четыре главы (13—16) и особое прибавленіе о свѣтскихъ евангелическихъ писателяхъ (стр. 381—454), касаются Польши и Литвы; наконецъ, четвертая „книга“ слѣдитъ за судьбою греческой церкви въ Рѣчи Посполитой, при чемъ разсматриваются отношенія ея къ протестантизму въ особѣ главѣ о попыткѣ уніи между ними (cap. 3, de unione evangelicorum in Polonia et M. D. Lithuaniae cum Graecis seu Ruthenis attentata, sed non nisi politica obtenta, стр. 478—499). Трудъ Венгерскаго имѣетъ значеніе первоисточника по массѣ собраннаго въ немъ матеріала, и новѣйшіе историки реформаціи въ Польшѣ постоянно его цитируютъ, хотя по мѣрѣ того, какъ публикуются новые матеріалы, указанное значеніе „Историко-хронологической системы“, конечно, умалывается. Понятно, что авторъ стоитъ на вѣроисповѣдной точкѣ зрѣнія: въ католицизмъ онъ видитъ „густой мракъ заблужденій и суевѣрій“ (densas errorum ac superstitionum tenebras), а въ протестантизмъ разсматриваетъ исключительно теологическую его сторону—„очищеніе“ христіанскаго вѣроученія. Стоя вмѣстѣ съ тѣмъ на точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго протестантизма, онъ осуждаетъ крайнее направленіе польской реформаціи, то-есть, антитринитаризмъ, какъ „богохульную схизму“ (blasphemum schisma). За то, однако, въ отношеніи трехъ вѣроисповѣданій, между которыми были раздѣлены польскіе протестанты, именно ученія братьевъ чешскихъ, лютеранства и кальвинизма, Венгерскій старался держаться на высотѣ общихъ имъ всѣмъ положеній¹⁾: черезъ сто лѣтъ послѣ

¹⁾ Reformati, говоритъ самъ авторъ..., triplici velut agmine ab an. 1550, distincti fuerunt: qui tamen in ipso fidei fundamento et praecipuis doctrinae christianae capitibus consentiebant, стр. 99. Ср. стр. 89.

начала реформаціи въ Польшѣ, между представителями названныхъ трехъ исповѣданій уже установился извѣстный *modus vivendi*, изъ коего была только исключена „богохульная схизма“ антитринитаріевъ. Впрочемъ, особенно важна книга Андрея Венгерскаго для исторіи кальвинской церкви.

Одновременно съ обнародованіемъ „Историко-хронологической системы“ (именно въ 1651 году) другимъ Венгерскимъ, Войтѣхомъ, протестантскимъ же священникомъ ¹⁾, была составлена небольшая „Хроника краковскаго евангелическаго сбора“ ²⁾. Авторъ желалъ, „чтобы чудныхъ дѣлъ Господнихъ, надъ этимъ сборомъ оказанныхъ, изъ рукъ у насъ не сгнулъ меморіаль“, какъ онъ выразился въ предисловіи (стр. VI), и это, собственно говоря, была первая попытка въ такомъ родѣ ³⁾. Хроника въ свое время напечатана не была: въ серединѣ XVII вѣка печатать „еретическую“ книжку было небезопасно, и авторъ, переписавъ собственноручно свою работу, положилъ ее на сохраненіе въ церковный сундукъ *ad meliora tempora* ⁴⁾, которыя наступили только черезъ полтора столѣтія, такъ какъ увидѣла она свѣтъ въ печати лишь въ 1817 году. Первоначально хроника была доведена до 1650 года, но впоследствии авторъ ея задумалъ продолженіе, остановившееся, впрочемъ, на 1657 году (стр. 121—132). Особое значеніе этой хроники, написанной, замѣтимъ кстати, по польски,—то, что въ ней мы имѣемъ цѣлѣйшій мартирологъ краковской протестантской церкви въ эпоху іезуитской реакціи: между прочимъ, на длинномъ заглавіи „Хроники“ обозначено, что въ ней описываются „разныя преслѣдованія и разрушенія сбора“.

Къ числу первыхъ же историковъ реформаціи въ Польшѣ слѣдуетъ отнести и Самуила Пржишковскаго, современника обоихъ Венгерскихъ. Принадлежа къ социніанской сектѣ, Пржишковскій напи-

¹⁾ Онъ былъ братъ Андрея. Его біографія у *Лукашевича* *Wiadomość historyczna*, 184—186.

²⁾ *Kronika zboru ewangielskiego krakowskiego w której erectio zboru tego, przywileie, kaznodziei, albo sędzdy Boży, starzy zborowi, rozne prześladowania, zboru zburzenia y wiele innych pamiętnych rzeczy przypominają się y opisują...* zebrana y opisana przez X. *Woiciecha Węgierskiego*. Roku Pańskiego MDCLI. Wydrukowana w roku 1817. Есть и совсѣмъ новое изданіе.

³⁾ *Podjąłem się... tej oto pracy, ktorey zaden z antecessorow moich nie attentionował. Przedmowa, VI.*

⁴⁾ *W druk tej pracy podać poniewasz niebezpieczna, tedy teraz tylko własną ręką onę przepisawszy, na lichey osoby moiey pamiętkę, do skrzynki kościelney ddam etc. Ibid., VI—VII.*

салъ біографію Фавста Социна ¹⁾ и, къ сожалѣнію, утерянную авторомъ во время бѣгства въ Пруссію, исторію унитарскихъ церквей въ Польшѣ. Кромѣ того, отъ Пржипковскаго сохранились религіозно-полемическіе трактаты ²⁾. Не дошедшая до насъ исторія унитарскихъ церквей въ Польшѣ восполняется историческимъ трудомъ младшаго современника названныхъ писателей Станислава Любенецкаго, принадлежавшаго къ извѣстной аріанской фамиліи. И онъ конецъ жизни своей провелъ за границей, гдѣ и составилъ свою „Исторію польской реформаціи“ ³⁾, которая была издана въ Амстердамѣ въ 1685 году, черезъ десять лѣтъ по смерти автора, съ его біографіей и съ приложеніемъ письма Самуила Пржипковскаго (Przyrkovii), „повѣствующаго о бѣдствіяхъ, коими съ 1648 года были удручаемы унитаріи въ Польшѣ, пока не были изъ нея изгнаны королевскими эдиктами“ (стр. 278—285). Книжка Любенецкаго имѣетъ такое же значеніе, какъ и сочиненіе Андрея Венгерскаго, особенно для начала развитія унитаризма въ Польшѣ, такъ что ею пользуются, какъ источникомъ ⁴⁾. Къ сожалѣнію, эта исторія написана въ духѣ партіи ⁵⁾, а потому, относиться къ ней необходимо съ величайшею осторожностью ⁶⁾. Давая множество извѣстій о польскомъ протестантизмѣ вообще, авторъ, какъ антитринитарій, обходитъ молчаніемъ многіе важные факты изъ жизни польскаго ортодоксальнаго протестантизма. Особенно замѣчательенъ пропускъ сандомірскаго генеральнаго синода съ его знаменитымъ соглашеніемъ (consensus sandomiriensis), изъ коего были исключены *qui aliter quam pie et orthodoxe sentiunt de Deo et sacra Trinitate atque incarnatione Filii Dei*: по хронологиче-

¹⁾ Vita auctoris conscripta ab equite polono, предпосланная сочиненіямъ Ф. Социна въ Bibliotheca fratrum polonorum, изд. Андрея Вишоватаго.

²⁾ *Samuelis Przyrkovii cogitationes sacrae ad initium Ev. Matth. et omnes epistolas apostolicas, nec non tractatus varii argumenti, praecipue de jure christiani magistratus*. Eleutheropoli (Амстердамъ) 1692.

³⁾ *Historia Reformationis Polonicae in qua tum Reformationum, tum Antitrinitariorum origo et progressus in Polonia et finitimis provinciis narrantur*. Authore St. Lubieniecio. Freistadii. 1685.

⁴⁾ *Fock*. Der Socinianismus. I, 211. Въ предисловіи къ сочиненію Любенецкаго, напечатаніе книги объясняется тѣмъ, что она multa quae vix alibi reperiantur de initiis reformationis in Polonia deque Antitrinitariorum origine complectitur.

⁵⁾ См., напримѣръ, начало II книги (стр. 38), а также отдѣльныя главы (напримѣръ, кн. III, гл. 9: de reformationum odio in cultores veritatis, стр. 221 sq.).

⁶⁾ *Lindau*, Предисловіе къ нѣмецкому переводу труда Красинскаго (см. ниже), стр. V.

скому расположенію матеріала. Любенецкій имѣлъ возможность говорить о синодѣ между девятою и двѣнадцатою главами третьей книги. Особенно важна исторія Любенецкаго по своимъ подробностямъ, относительно споровъ аріанъ съ другими исповѣданіями.

Къ той же эпохѣ относится писательская дѣятельность Андрея Вишоватаго, издателя сочиненій главнѣйшихъ унитаріевъ ¹⁾. Между прочимъ, изъ-подъ пера его вышла, говоря по современному, историческая статейка объ отдѣленіи антитринитаріевъ отъ другихъ протестантовъ ²⁾.

Совершенно особымъ характеромъ отличается составленное около середины XVII в. Петромъ Морсковскимъ и изданное черезъ сто лѣтъ описаніе устройства унитарскихъ церквей въ Польшѣ ³⁾: въ немъ весьма трудно иногда отличить факты отъ идеала, такъ какъ авторъ не столько изображаетъ существовавшую въ его время церковную организацію антитринитаріевъ, сколько расписываетъ, какую она должна быть.

Такимъ образомъ только съ середины XVII вѣка, то-есть, черезъ сто лѣтъ послѣ начала реформаціоннаго движенія въ Польшѣ стали составляться историческія описанія этого движенія. Это была пора, когда польскимъ разновѣрамъ приходилось писать апологіи своихъ исповѣданій и когда въ душѣ этихъ апологетовъ накопилось не мало горечи противъ побѣдоноснаго католицизма: это должно было отразиться и на написанныхъ ими исторіяхъ. Притомъ разказывая о началѣ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, историки (мы имѣемъ въ виду Регенвольсція и Любенецкаго) имѣли дѣло съ весьма отдаленными временами, а потому все, что у нихъ сказано о первыхъ проявленіяхъ протестантизма въ Польшѣ или очень кратко, или несовсѣмъ вѣрно. Замѣчательно еще, что это было время далеко не благопріятное для изданія подобныхъ сочиненій: Войтѣхъ Венгерскій считаетъ опас-

¹⁾ Bibliotheca fratrum polonorum, quos unitarios vocant. Irenopoli (Амстердамъ). P. an. Dom. 1656. Пять томовъ. Сочиненія Пржипковскаго (прим. 8), составляютъ какъ бы VI томъ собранія.

²⁾ *Andreae Wissowatii narratio compendiosa quomodo in Polonia a trinitariis reformatis separati sint christiani unitarii.* См. прилож. въ изд. *Christorh. Sandii.* Bibliotheca Antitrinitariorum. Freistadii. 1864. См. тамъ же *Anonymi epistola exhibens vitae ac mortis Andreae Wissowatii nec non ecclesiarum Unitariorum ejus temporis brevem historiam.*

³⁾ *Politia ecclesiastica sive forma regiminis exterioris ecclesiarum christianarum in Polonia, quae unum Deum Patrem etc...*, explicata a *Petro Morscovio.* 1745.

нымъ предать свою „Хронику“ тисненію и прятеть ее въ сундукъ, гдѣ она и лежитъ ненапечатанной болѣе полутора ста лѣтъ; Самуиль Пржипковскій теряеть рукопись своей исторіи унитарскихъ церквей во время бѣгства въ Пруссію; другія названныя нами сочиненія издаются въ предѣловъ Рѣчи Посполитой, въ Голландіи. Особенно тяжело пришлось антитринитаріямъ: въ срединѣ XVII в. послѣдовало ихъ изгнаніе изъ Польши, и большая часть указанныхъ авторовъ кончила свои дни на чужбинѣ (Пржипковскій въ 1670 г., Любенецкій въ 1675 г., Вишоватый въ 1678 г.),—но за то именно антитринитаріи болѣе другихъ и позаботились о томъ, чтобъ оставить по себѣ историческія свидѣтельства и собрать важный для ихъ ученія матеріаль (мы имѣемъ въ виду „Библиотеки“ Вишоватаго и Занда). Для всѣхъ послѣдующихъ историковъ реформаціи въ Польшѣ Регенвольсцій и Любенецкій долгое время были главными руководителями, и ими, собственно говоря, было положено начало историческому изученію предмета. Въ XVIII столѣтіи уже не появлялось трудовъ, равныхъ по значенію „Историко-хронологической системѣ“ и „Исторіи польской реформаціи“, хотя занятія предметомъ и не прекращались. Положеніе польскихъ диссидентовъ дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе, и на ихъ судьбу стали обращать вниманіе за границей ¹⁾: этимъ, разумѣется, объясняется то, что судьбами польской реформаціи заинтересовались нѣмецкіе лютеранскіе писатели и занялись исторіей своего исповѣданія въ Польшѣ и Литвѣ.

Называя эти сочиненія въ порядкѣ ихъ выхода въ свѣтъ, мы укажемъ на „Исторію сандомірскаго соглашения“ Яблоновскаго ²⁾, на „Критическую исторію Ласкаго“ Бертрама ³⁾, на „Судьбу польскихъ диссидентовъ“ ⁴⁾ анонимнаго автора, на „Исторію антитринитаріевъ“ Бока ⁵⁾, на „Прусскую церковную исторію“ Гарткноха ⁶⁾, на „Цер-

¹⁾ *Chr. Arnold.* Sendschreiben von dem Zustande und Drangsalen der Dissidenten in Polen und Lithauen. 1717.

²⁾ *Historia consensus Sandomiriensis.* Berlini. 1731. Яблоновскому же принадлежит соч. *Jura et libertates dissidentium in religione christiana in Regno Poloniae et M. D. Lithuaniae.*

³⁾ *Historia critica Iohannis a Lasco.* Aurich. 1733.

⁴⁾ *Die Schicksale der polnischen Dissidenten von ihrem ersten Ursprunge an bis auf jetzige Zeit.* Hamburg. 1768—1770. Три части.

⁵⁾ *Historia antitrinitariorum, maxime socinianismi et socinianorum.* Regiomonti et Lipsiae. 1774. Двѣ части. Въ 1725 г. вышла еще книга *Lauterbach'a Ariano-Socinianismus in Polonia.*

⁶⁾ *Hartknoch.* Preussische Kirchenhistorie.

ковную исторію Рольскаго королевства“ Фризе ¹⁾). Болѣе внимательнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ сочиненія Яблоновскаго, Бока и Фризе: хотя Бертрамъ писалъ о выдающемся польскомъ реформаторѣ XVI в. Янѣ Ласкомъ, собственно для польской исторіи его книга имѣетъ мало значенія; „Судьбы польскихъ диссидентовъ“ ничего особенно важнаго изъ себя не представляютъ, а Гарткнохъ только частью касается Польши.

„Исторія сандомірскаго соглашения“ Яблоновскаго описываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни польскаго протестантизма. Авторъ, конечно, протестантъ, и свой трудъ онъ посвящаетъ архіепископу Кентерберійскому: какъ выборъ предмета (попытка уніи между разными исповѣданіями), такъ и посвященіе книги духовной особѣ иновѣрнаго англиканскаго исповѣданія указываютъ на то, что Яблоновскій довольно широко смотритъ на вопросъ. Съ другой стороны, онъ пытается представить „сандомірское соглашение“ 1570 г. въ связи съ общею исторіей реформации въ Польшѣ и въ особенности съ болѣе ранними попытками соглашения (стр. 5—37), и судьба самого акта сандомірскаго синода у него прослѣжена на протяженіи цѣлыхъ полутора ста лѣтъ, то-есть, отъ 1570 г. до послѣднихъ синодовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, именно бывшихъ въ 1726 и 1728 годахъ. Такимъ образомъ сочиненіе Яблоновскаго важно для исторіи взаимныхъ отношеній между братьями чешскими, лютеранами и кальвинистами въ Польшѣ: объ антитринитаріяхъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ (см., напримѣръ, стр. 57, 122 и др.). Особую важность книгѣ придаетъ помѣщеніе какъ въ текстѣ, такъ особенно въ приложеніи (стр. 183—263) оправдательныхъ документовъ (*Documenta ad praecedentem historiam spectantia*), взятыхъ изъ церковныхъ архивовъ, какъ значится на заглавномъ листѣ.

Бокъ, *sacrae regiae majestatis Prussicae in senatu ecclesiastico consiliarius, s. theologiae doctor* и т. д., какъ обозначено на заглавномъ листѣ его „Исторіи антитринитаріевъ“, не принадлежалъ самъ къ этой сектѣ: предпринялъ онъ свой трудъ потому, что нельзя де

¹⁾ *Friese*. Kirchengeschichte des Königreichs Polen. Breslau. 1786. Вторая часть изъ двухъ томовъ называется *Beiträge zur Reformationsgeschichte in Polen und Lithauen besonders*. Назову еще *Bourdillon*. Essai historique et critique sur les dissensions des églises de Pologne (Basle. 1767). *Jura et libertates dissidentium in religione christiana in regno Poloniae et Lithuaniae* (1708). Бурдильонъ, какъ извѣстно, псевдонимъ Вольтера.

назвать никого, кто бы разказалъ вполнѣ исторію соцініанизма ¹⁾. Книга составлена въ видѣ словаря, въ которомъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ статьи объ отдѣльныхъ лицахъ и предметахъ (напримѣръ, acta synodalia, anonumorum scripta и т. д.), имѣющихъ отношеніе къ соцініанизму, и всѣхъ такихъ статей около 350. Не представляя изъ себя обработанной исторіи, трудъ Бока интересенъ, какъ сборникъ біографическаго и бібліографическаго матеріала, весьма важнаго для исторіи антитринитаризма.

Наконецъ, Фризе написалъ довольно полную исторію Польской церкви, къ которой присоединены два тома, трактующіе специально о реформаціи въ Польшѣ. Замѣчательно, что въ то время, какъ на первомъ томѣ сочиненія мы читаемъ посвященіе его епископу Вармійскому Игнатію Красицкому, на обѣихъ частяхъ прибавленія о реформаціи стоитъ посвященіе сѣніорамъ и консисторіямъ аугсбургскаго исповѣданія въ Польшѣ. Въ предисловіи къ „Beiträge“ авторъ заявляетъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія писать во вредъ господствующей религіи, „къ которой въ наши просвѣщенныя времена существуетъ совсѣмъ иное, чѣмъ прежде отношеніе“, — и что равнымъ образомъ онъ не думаетъ доказывать превосходства своего аугсбургскаго исповѣданія надъ другими: такое объясненіе, вызванное, быть можетъ, соображеніями цензурнаго свойства, до извѣстной степени характеризуетъ точку зрѣнія автора, хотя, какъ лютеранинъ, онъ не особенно прячетъ свою тенденцію доказать, что реформація проникла въ Польшу и долго въ ней господствовала въ формѣ лютеранства. Впослѣдствіи у нѣмецкихъ историковъ польской реформаціи этотъ взглядъ былъ весьма распространенъ. Весьма также характерна мысль Фризе о томъ, что въ основѣ всѣхъ попытокъ соглашенія между отдѣльными исповѣданіями лежали политическіе мотивы, а потому всѣ соглашенія въ сущности и недостижимы, и бесполезны. Сочиненіе Фризе весьма важно многими указаніями на нѣкоторые спеціальные вопросы изъ исторіи позднѣйшаго протестантизма (она доведена у него до 1782 г.): между прочимъ авторъ пользовался кое-какими книгами, въ настоящее время не вездѣ и не всегда легко добываемыми ²⁾, бу-

¹⁾ . . . qui Socinianismi et Socinianorum praecipua fata, acta, consilia arcana et scripta per omnes annorum decursus uno opere ac pleno complexu enarraverit. Часть I, предисловіе, стр. V. На слѣдующихъ страницахъ Бокъ разсматриваетъ своихъ предшественниковъ.

²⁾ Ringeltaube. Beiträge zu der augsburgischen Confessionsgeschichte in Preussen und Polen. Sigismund Thomas. Altes und Neues der evangelisch-luthe-

лучи вообще хорошо знакомъ съ современной ему литературой, даже съ второстепенными сочиненіями по предмету (Beiträge, I, 1—4). Даже можно сказать, что работа Фризе скорѣе сборникъ матеріаловъ, чѣмъ обработанная исторія: до такой степени часто нѣмецкій языкъ повѣствованія прерывается выписками на языкахъ латинскомъ и польскомъ; до такой степени система, въ которой расположенъ матеріаль, не соотвѣтствуетъ элементарнымъ требованіямъ отъ сколько-нибудь обработаннаго сочиненія. Для современнаго историка этотъ трудъ можетъ имѣть значеніе, какъ продолженіе работъ Регенвольсція и Любенецкаго.

Вотъ и все, чтò мы имѣемъ изъ XVIII вѣка. Если считать, что главный интересъ реформаціонное движеніе въ Польшѣ представляетъ въ третьей четверти XVI вѣка, то работы XVIII в. не прибавили ничего существенно новаго къ исторіи этого періода сравнительно съ двумя историками изъ второй половины XVII столѣтія. Но самое главное то, что основная точка зрѣнія остается та же, что и прежде. Только политическое паденіе Рѣчи Посполитой въ концѣ XVIII в. заставило польскихъ историковъ взглянуть на свою реформацію XVI в. не только съ церковно-религіозной точки зрѣнія, но и съ культурно-политической: явилось стремленіе выяснитъ значеніе реформаціоннаго движенія въ культурной исторіи польскаго общества и въ политическихъ судьбахъ польской націи. Въ XVIII в. главными изслѣдователями судебъ польскаго протестантизма были нѣмцы: весьма естественно, что они смотрѣли на дѣло съ своей, лютеранской точки зрѣнія, выдвигали на первый планъ „аугсбургское исповѣданіе“, которое было распространено только среди нѣмецкаго населенія городовъ и въ нѣмецкихъ земляхъ Рѣчи Посполитой, и приписывали лютеранизму въ Польшѣ такое значеніе, какого онъ не имѣлъ. Въ XIX в. за исторію реформаціи берутся снова поляки и не только протестантскаго исповѣданія, какъ графъ Красинскій, но и католики, при чемъ, съ одной стороны, вопросъ переводится съ почвы специально-церковной на общеисторическую, а съ другой, дѣятельно разыскиваются и издаются новые источники для исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Правда, еще вѣроисповѣднѣй субъективизмъ

rischen Kirchen im Königreich Polen. *Herbinius*. Dissertatio de statu ecclesiarum invariatae augustanae confessioni addictarum. Кроме того укажу на сочиненіе *Kautz'a*, Religionis evangelicae in Polonia fata (1738) которое я знаю только по названію.

часто вмѣшивается въ дѣло научнаго изслѣдованія, какъ мы это видимъ въ протестантской исторіи графа Красинскаго и въ ультра-католической ксендза Буковскаго, но начинаетъ вырабатываться и чисто-научное направленіе, къ которому примкнули и лучшіе русскіе изслѣдователи вопроса. Особенно много было сдѣлано для уясненія причинъ, характера и результатовъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе, благодаря усиленной издательской дѣятельности по части историческаго матеріала изъ XVI в. и архивнымъ изысканіямъ отдѣльныхъ историковъ польскаго протестантизма.

Съ начала тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія стали появляться монографическіе труды Іосифа Лукашевича, работавшаго въ бібліотекахъ и архивахъ Познани, Варшавы, Кракова, Бреславля, Кенигсберга, Данцига, Торна и др. городовъ. Всѣхъ сочиненій, относящихся къ польской реформаціи, у него четыре: 1) о познанскихъ диссидентахъ, 2) о братьяхъ чешскихъ въ Великой Польшѣ, 3) о литовскихъ кальвинистахъ и 4) о кальвинистахъ малопольскихъ¹⁾. Есть извѣстіе, что отъ него въ рукописи осталась еще „Исторія польскихъ антиринитаріевъ разныхъ оттѣнковъ“. Лукашевичъ намѣревался закончить свои монографіи общою исторіей реформаціи въ Польшѣ²⁾, но этого не успѣлъ исполнить, а написанныя имъ книги представляютъ изъ себя нерѣдко сырой, необработанный матеріалъ, такъ-сказать, подавлявшій самого автора³⁾. Одна изъ особенностей его книгъ та, что часто одна повторяетъ дословно сказанное въ другой: чуть не вся „Историческая вѣдомость о диссидентахъ въ г. Познани“ вошла въ сочиненіе „О церквахъ братьевъ чешскихъ въ Великой Польшѣ“. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ открывался новый мате-

¹⁾ *Józef Łukaszewicz* Wiadomość historyczna o dyssydentach w mieście Poznaniu w XVI i XVII wieku. Poznań. 1832. O kościołach braci czeskich w dawnej Polsce. Poznań. 1835. Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie. 1841—1843 (два тома). Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małej Polsce. 1853. Крімъ того см. *Krótki opis historyczny kościołów parochialnych w diecezji poznańskiej*. 1858—1863.

²⁾ Cf. *Wiadomość historyczna, dedykacja* графу Рачинскому. О коścioлахъ браці чешскихъ, предисловіе. При жизни автора надѣялись, что онъ исполнитъ свою задачу. *Lindau*, Vorwort, V.

³⁾ Таковъ отзывъ и польскихъ историковъ. *Zakrzewski*. Powstanie i wzrost reformacyji, 8. *Sowiński*, *Historya literatury*. IV, 534. Самъ авторъ не иначе смотрѣлъ на свои работы. О коścioлахъ браці чешскихъ, предисловіе. *Dzieje kościołów w Małej Polsce*, стр. VI.

риаль, въ болѣе позднія монографіи вносились то, что должно было бы имѣть мѣсто въ болѣе раннихъ. Въ освѣщеніи историческаго матеріала вообще можно, вмѣстѣ съ польскими историками, Лукашевичу приписать самое строгое безпристрастіе (*najsumienniejszą bezstronność*, Совинскій), добросовѣстное отношеніе къ дѣлу (*Sumiennosc w opracowaniu rzeczy*, Шуйскій) и т. п., хотя онъ и относится сочувственно къ реформации (*przychylny reformacyi*, Шуйскій) и не скрываетъ естественной симпатіи къ болѣе слабой сторонѣ (*nie tai się często z naturalną sympatyą dla strony słabszej*, Закржевскій). Въ сущности, впрочемъ, Лукашевичъ только не становится на ультракатолическую точку зрѣнія, и за это онъ подвергся нападкамъ со стороны менѣе научныхъ польскихъ историковъ: напимѣръ, авторъ хвалебной біографіи іезуита Петра Скарги гр. Дзвѣдушицкій (псевдонимъ, подъ которымъ онъ писалъ, — Рыхцицкій) находитъ, что сочиненія Лукашевича написаны съ очевиднымъ предубѣжденіемъ противъ католицизма ¹⁾, и почтенному историку пришлось защищать даже, вслѣдствіе подобныхъ нападеній, свою правоту и свой историческій взглядъ ²⁾. Этотъ взглядъ мы находимъ ясно выраженнымъ въ предисловіи къ послѣднему изъ печатныхъ сочиненій Лукашевича о диссидентскихъ церквахъ въ Польшѣ: въ реформации онъ видитъ одну изъ главныхъ причинъ паденія Польши, такъ какъ она раздѣлила „народъ“ на два враждебные лагеря и отдала его пронырливому и самолюбивому ордену іезуитовъ. Бартошевичъ, находя, что у Лукашевича фактовъ много, но довольно и пристрастныхъ взглядовъ (*faktów tutaj wiele, ale i poglądu stronniczego dosyć*), и тотъ не отказываетъ Лукашевичу въ великихъ заслугахъ передъ національною исторіографіей, такъ какъ онъ открылъ много новыхъ любопытныхъ данныхъ и посредствомъ своей критики выяснилъ многія стороны польской реформации ³⁾. Весьма характерно противорѣчіе въ отзывахъ польскихъ историковъ относительно одного и того же собрата: одни хвалятъ его за безпристрастіе и добросовѣстность (таковъ отзывъ и Закржевскаго), другіе находятъ въ немъ

¹⁾ *Rychcicki*. Piotr Skarga i wiek jego., I, 30 (z widocznem przeciw katolicyzmowi uprzedzeniem).

²⁾ *Lukaszewicz*. Dzieje kościołów wyzn. helw. w M. Polsce, przedmowa, стр. VII sq.

³⁾ Faktów moc odkrył, naukę zbogacił, a w nie jednem miejscu objaśnił ją światłem krytyki.

совершенно противоположныя качества чисто отрицательнаго свойства. Это весьма понятно вслѣдствіе того, что до сихъ поръ во взглядахъ на реформацію существуетъ среди польскихъ историковъ разногласіе: недавно еще два выдающихся писателя, Шуйскій (нынѣ умершій) и Бобржинскій, высказали на ея счетъ діаметрально противоположныя взгляды, такъ что, по мнѣнію одного, реформація внесла въ польское общество смуту и разладъ, а по мнѣнію другаго, она могла бы возродить Польшу въ политическомъ отношеніи. Это разногласіе въ сужденіяхъ о реформаціи съ общѣисторической (политической и культурной) точки зрѣнія впервые выразилось въ польской историографіи въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. *Mutatis mutandis*, въ общемъ взглядѣ на польскую реформацію Шуйскій примыкаетъ къ Лукашевичу, а Бобржинскій повторяетъ въ смягченной формѣ основной взглядъ графа Красинскаго, автора первой полной исторіи реформаціи въ Польшѣ.

Графъ Валеріанъ Красинскій, жившій послѣ 1831 г., какъ эмигрантъ, въ Англіи, принадлежалъ къ протестантской фамиліи ¹⁾. На чужбинѣ онъ занялся исторіей реформаціи на своей родинѣ, но къ сожалѣнію, его положеніе, какъ эмигранта, не дозволило ему пользоваться матеріалами, хранящимися въ библіотекахъ Императорской Публичной (въ Петербургѣ), Варшавской (нынѣ университетской), Краковской университетской и Познанской, основанной гр. Э. Рачинскимъ, изъ которой попользовался Лукашевичъ, двадцать лѣтъ бывший ея библіотекаремъ. Впрочемъ, онъ былъ вознагражденъ обиліемъ матеріаловъ, которое представляютъ библіотеки Британскаго музея (даръ князя Адама Чарторыскаго), архіепископа Кентерберійскаго (въ Лондонѣ) и герцога Сессекса (въ Кенсингтонѣ). Плодомъ занятій Красинскаго была двухтомная „Исторія реформаціи въ Польшѣ“ ²⁾, написанная по англійски и изданная въ Лондонѣ въ 1838 и 1840 годахъ, то-есть, когда только что вышли въ свѣтъ первыя работы Лукашевича. Почти немедленно эта книга была переведена на нѣмецкій языкъ ³⁾, при чемъ переводчикъ (Линдау) ее

¹⁾ См. его біографію, написанную *Собьщанскимъ*, въ *Encyclopedyi powszechnij Ortelmbranda*.

²⁾ Historical Sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland and of the influence which the scriptural doctrines have exercised on that country in literary, moral and political respects.

³⁾ Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen etc. Von Grafen W. Krasinski nach dem englischen Original bearbeitet von W. A. Lindau. Leipzig. 1841.

до известной степени передѣлалъ, сжавъ изложеніе, устранивъ повторенія и особенно сокративъ примѣчанія. Позднѣ свои взгляды Красинскій повторилъ въ англійскихъ же „Лекціяхъ о религіозной исторіи славянскихъ народовъ“¹⁾, выдержавшихъ въ подлинникѣ два изданія, переведенныхъ со втораго изданія по французски²⁾ и въ извлеченіи по польски Людвигомъ Петрусинскимъ подъ заглавіемъ „О Чехіи и Польшѣ въ XV, XVI и XVII вв.“³⁾. Главное сочиненіе гр. Красинскаго—первый опытъ полной исторіи польскаго протестантизма отъ его начала до паденія Рѣчи Посполитой, и притомъ съ точки зрѣнія культурно-политической: отсюда и полное заглавіе книги—„Историческій очеркъ происхожденія, успѣховъ и упадка реформаціи въ Польшѣ и вліянія, которое евангелическое ученіе (scriptural doctrines) оказало на эту страну въ литературномъ, моральномъ и политическомъ отношеніяхъ“. Не смотря на нѣкоторую свою поверхностность и пробѣлы, этотъ трудъ справедливо заслужилъ уваженіе историковъ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ⁴⁾, но особенно былъ хорошо онъ принятъ за границей⁵⁾, и для многихъ западныхъ историковъ онъ былъ долгое время почти единственнымъ пособіемъ по исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ⁶⁾. Можно даже сказать, что до 1870 г. гр. Красинскій и Лукашевичъ оставались единственными „источниками“, изъ которыхъ почерпались другими писателями факты и идеи по части польской реформаціи. Только строгіе католики отнеслись недружелюбно къ „Историческому очерку“ графа Красинскаго, и упомянутый графъ Дзвѣдушицкій въ своей книгѣ о Петрѣ Скаргѣ только и дѣлаетъ, что полемизируетъ съ графомъ Красинскимъ⁷⁾. Оно и понятно: „Историческій очеркъ“

1) Lectures of the religious history of slavonic nations. London. 1850. Edinburgh. 1851.

2) Histoire religieuse des peuples slaves, par le comte V. Krasinski. Avec une introduction par Merle d'Aubigné. Paris. 1851.

3) O Czechach i Polsce w wieku XIV, XV i XVI. Warszawa. 1858.

4) См. напримѣръ, отзывы *Захржевскаго* (стр. 8) и нѣмца *Фюшера*, о которомъ ниже (т. I, стр. III).

5) См. *Sowiński*. Rys dziejów literatury polskiej. IV, 776 sq.

6) *Fock* въ евсей исторіи социніанизма сильно пользовался Красинскимъ (I, 138). Въ *The Reformation by George P. Fisher* (London. 1878), представляющей изъ себя общую исторію реформаціи, страницы 184 и слѣд., посвященныя Польшѣ, написаны прямо по Красинскому. Конечно, теперь сочиненіе Красинскаго устарѣло.

7) *Rychcicki*, I, 19, 30, 78 и др.

написанъ въ протестантскомъ духѣ, и самъ авторъ въ предисловіи прямо высказываетъ свою основную мысль: „Быть можетъ“, говоритъ онъ, — „ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Св. Писаніи, и что, на оборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славой и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католическою реакціей“. Поэтому, по мнѣнію гр. Красинскаго, все спасеніе Польши заключалось въ переходѣ ея въ протестантизмъ. Такое рѣшеніе вопроса о значеніи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ подсказано было автору его вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ, и противъ рѣшенія этого можно сдѣлать возраженія съ чисто научной точки зрѣнія. Вопервыхъ, обобщая нѣкоторые историческіе факты, можно, пожалуй, вообще говорить о „великихъ благодѣяніяхъ, которыя получаетъ государство отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Священномъ Писаніи“, то-есть, протестантизма, но еще вопросъ, чтò въ случаяхъ, которые имѣются обыкновенно въ виду, было причиной „благодѣяній“—само ли протестантское вѣроученіе, или общее состояніе общества, приведшее между прочимъ къ реформаціонному движенію, то есть, не суть ли и „благодѣянія“, и „введеніе вѣроученія, основаннаго на Священномъ Писаніи“ только слѣдствія одной общей причины? Вторыхъ, если опять „подавленіе“ протестантизма, дѣйствительно, приводило къ „бѣдствіямъ“, то не было ли въ данномъ случаѣ какихъ-либо общихъ причинъ и того, что протестантизмъ въ Польшѣ былъ подавленъ, и того, что страну эту постигли политическія бѣдствія? Третьихъ, графъ Красинскій въ общемъ разсуждаетъ по формулѣ: „post hoc, ergo propter hoc“, и если даже основной взглядъ его вѣренъ, онъ все же недостаточно доказанъ. Дѣло въ томъ, что гр. Красинскій не изслѣдовалъ вопроса, на сколько протестантизмъ въ Польшѣ могъ пустить прочныя корни: вѣдъ подавленіе его уже указываетъ на его слабость, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно поставить вопросъ: сдѣлалась ли бы реформація въ Польшѣ общою, то-есть, приняли ли бы протестантизмъ всѣ элементы польскаго общества, если бы не было іезуитской реакціи. Современники графа Красинскаго, сколько намъ извѣстно, такихъ возраженій на его основную мысль не дѣлали: изученіе исторіи реформаціи въ

Польшѣ тогда не на столько подвинулось впередъ, чтобы можно было глубже взглянуть въ самую суть вопроса; еще нужно было разрушить ходячіе предрасудки, просто даже напомнить, что и въ Польшѣ было реформаціонное движеніе, собрать главные факты, часто со-всѣмъ забытые, и связать ихъ какою ни на есть связью. За эту работу и взялись въ тридцатыхъ годахъ Лукашевичъ и гр. Красинскій. Если при современномъ состояніи вопроса, то-есть, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, работы ихъ насъ не удовлетворяютъ, то не нужно забывать, что тогда только что начиналась разработка совершенно забытаго предмета, такого предмета, о которомъ польское общество стыдилось даже вспоминать. Лукашевичъ и гр. Красинскій, не смотря на все различіе ихъ точекъ зрѣнія, сдѣлали одно дѣло: они, такъ сказать, открыли существованіе сильнаго реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и реабилитировали это движеніе въ глазахъ общества на столько, по крайней мѣрѣ, что въ послѣднемъ все-таки возбудился нѣ-который интересъ къ предмету, хотя очень характеренъ фактъ, что „Историческій очеркъ“ ни своевременно, ни впоследствии не былъ переведенъ по польски, и что только въ шестидесятыхъ годахъ началось разыскваніе по архивамъ и печатаніе историческихъ документовъ, относящихся прямо къ исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ.

Послѣ Красинскаго вопросъ долго не двигался впередъ, хотя исторіей польской реформаціи и продолжали заниматься, какъ поляки, такъ и иностранцы. Въ упоминавшемся уже сочиненіи графа Маврикія Дзѣдушицкаго о Петрѣ Скаргѣ ¹⁾ есть краткій историческій очеркъ реформаціи въ Польшѣ (томъ I, стр. 14—148), но многого не могъ, конечно, дать бывшій воспитанникъ іезуитскихъ школъ и великій поклонникъ ордена, какимъ является въ своемъ историческомъ трудѣ графъ Дзѣдушицкій: его герой—одинъ изъ дѣятелей католической реакціи въ Польшѣ ²⁾, а его отношеніе къ реформаціи таково, что, даже Бартошевичъ, сочувственно относящійся къ намѣреніямъ автора книги о „Петрѣ Скаргѣ и его вѣкѣ“, находитъ ее одностороннею ³⁾. Реформаціи графъ Дзѣдушицкій приписываетъ всѣ бѣды Польши: „Съ тѣхъ поръ только“, говоритъ онъ,— „началось разъединеніе, разладъ (niezgoda) сдѣлался однимъ изъ при-

¹⁾ Piotr Skarga i jego wiek przez *Rychcickiego*. Kraków. 1850. 2 тома. Второе изданіе вышло въ 1868 и 1869 годахъ.

²⁾ О Скаргѣ написано было много. *Rychcicki*, I, 7—11.

³⁾ *Pogląd Dzieduszyckiego... jest nie tylko katolicki co słuszna, ale obok tego za zbyt może jednostronny.*

знаковъ польскаго характера, разладъ, въ которомъ всегда справедливо обвиняють нашъ народъ. *Odtąd zaczęła Polska stać bezrządem* ¹⁾. Причины или, вѣрнѣе, мотивы реформаціи, по графу Дзѣдушицкому, самыя дурныя ²⁾, но авторъ часто принимаетъ слѣдствіе за причину и на оборотъ. Между прочимъ онъ приписываетъ реформаціи, какъ слѣдствіе, „рѣшительное раздвоеніе между паномъ и подданнымъ“ ³⁾, хотя именно если реформація не удержалась въ Польшѣ, то благодаря отчасти этому „раздвоенію“ и исключительно шляхетскому, аристократическому характеру польскаго протестантизма. Вся книга— историческій памфлетъ, апологія іезуитизма и полемика съ протестантами и схизматиками.

Весьма мало сдѣлалось извѣстнымъ вышедшее въ 1855—1856 годахъ нѣмецкое сочиненіе Георга-Вильгельма-Теодора Фишера подъ заглавіемъ „Опытъ исторіи реформаціи въ Польшѣ“ ⁴⁾. Происхожденіе этой работы было слѣдующее: авторъ, протестантскій священникъ, началъ издавать въ 1847 году духовный листокъ *Der evangelische Hausfreund*, въ которомъ сталъ печатать очерки изъ исторіи отдѣльных протестантскихъ общинъ въ Познани, и изъ этихъ-то очерковъ потомъ возникла книга. Авторъ самъ признается, что его мало интересуютъ отношенія политическія (I, 192); еще менѣе можно искать у него культурно-соціальной точки зрѣнія: на первомъ планѣ у него исторія вѣроученія, и съ этой точки зрѣнія излагаетъ онъ взаимныя отношенія польскихъ диссидентовъ. По общему взгляду сочиненіе Фишера напоминаетъ трудъ Фризе, а главныя „источники“, изъ которыхъ черпалъ нѣмецкій авторъ, — труды графа Красинскаго и Лукашевича. Въ приложеніи къ первой части (стр. 157—293) мы находимъ у Фишера описаніе Сандомірскаго си-

¹⁾ *Rychciński*, I, 138. Cf. II, 26.

²⁾ *Ibid.*, I, 26, 129 sq. и т. п.

³⁾ *Ibid.*, I, 141.

⁴⁾ *G. W. Th. Fischer*. Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen. Grätz. 1855 — 56. Страннымъ образомъ объ этой книгѣ не упоминають ни *Szujski* при перечисленіи, въ „Исторіи Польши“, пособій для исторіи эпохи обоеихъ Сигизмундовъ (II, 156—158), ни *Bobrzyński* при подобномъ же обзорѣ литературы въ своей исторіи (1 изд., стр. 262—263), ни *Zakrzewski* въ вступленіи къ своему сочиненію о реформаціи, гдѣ перечисляетъ своихъ предшественниковъ, ни *Sowiński*, говоря о польской исторіи на иностранныхъ языкахъ (IV, 772—795), ни *Fisher* (*The Reformation*. Append. II: a list of works on the reformation, стр. 578: the Reformation in Poland) и т. д.

нода 1570 года, прямо по Лукашевичу¹⁾, и вообще нѣмецкій авторъ весьма много беретъ изъ книги этого польскаго историка. Въ общемъ можно сказать, что по части матеріаловъ Фишеръ не прибавилъ ничего новаго, а въ постановкѣ вопроса не сдѣлалъ ни шагу впередъ. Мало того: въ сравненіи съ книгой графа Красинскаго сочиненіе Фишера кажется отсталымъ, именно по своей односторонности, и эта односторонность была причиной многихъ промаховъ нѣмецкаго автора. Вотъ характерный примѣръ. „Если мы назвали“, говоритъ Фишеръ, — „періодъ до 1570 года дѣтскимъ возрастомъ реформаціи, то представленное читателю время до 1586 года заслуживаетъ быть обозначеннымъ, какъ эпоха сильной, полной горячихъ упованій, юности“²⁾. Это совсѣмъ невѣрно: какъ разъ на оборотъ, пятидесятыя и шестидесятыя годы XVI столѣтія были эпохой наибольшей силы и наибольшихъ надеждъ польскаго протестантизма, тогда какъ именно съ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ польскіе диссиденты начинаютъ переходить въ оборонительное положеніе и испытывать всевозможныя разочарованія. Какъ же объяснить себѣ приведенныя слова Фишера? Въ 1570 году на Сандомірскомъ генеральномъ синодѣ братья чешскіе, лютеране и кальвинисты заключили между собою соглашеніе, *consensum*³⁾: это событіе, по словамъ автора, должно было показать самымъ очевиднымъ образомъ, какъ вѣрно поняли лучшіе изъ польскихъ евангеликовъ, что отъ папизма ихъ отличаютъ общая почва, то-есть, единственная основа истинной церкви, слово Божіе, съ одной стороны, а съ другой — отсутствіе всякой рабской привязанности къ буквѣ и всякаго внѣшняго принужденія (I, 157—158). Что жъ изъ этого? Какія практическія послѣдствія это имѣло? Фишеръ именно думаетъ, что сандомірское соглашеніе было вызовомъ Риму на смертельную борьбу. Нѣтъ, это былъ актъ, вызванный необходимостью обороны, а не желаніемъ нападенія: времена агрессивнаго характера польской реформаціи начинали проходить. Этотъ примѣръ показываетъ, что у Фишера на первомъ планѣ, такъ-сказать, догматическая работа протестантизма, которая можетъ и не имѣть особенно важнаго значенія въ его культурной и политической роли: въ данномъ

¹⁾ Кроме того, въ первой части и во второй (стр. 395—399) въ видѣ приложений напечатаны разные *consensus in fide* и *conclusiones synodicae*.

²⁾ *Fischer*, I, 256. Ст. I, 156—157.

³⁾ Фишеръ приводитъ относящіеся сюда акты, I, 293—304.

случаѣ для автора все дѣло въ томъ, что протестанты разныхъ исповѣданій пришли къ сознанию общности своей основы и одинаковости своихъ принциповъ, и ему мало дѣла до того, что сандомірское соглашеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ симптомомъ слабости польскаго протестантизма, обнаружившейся къ концу шестидесятихъ годовъ, да и особой силы оно диссидентамъ не сообщило. Тотъ же вѣроисповѣдный характеръ книги былъ причиною того, что авторъ разсматриваетъ антитринитаризмъ, это выдающееся явленіе польской реформации, *nur in kurzen Zügen*, какъ онъ самъ выражается (II, 293); но въ заслугу Фишеру можно поставить довольно объективное отношеніе къ этой формѣ польскаго протестантизма.

Краткій очеркъ исторіи реформации въ Рѣчи Посполитой былъ сдѣланъ еще маркизомъ де-Ноайлемъ въ сочиненіи о „Генрихѣ Валуа и Польшѣ въ 1572 году“, написанномъ на основаніи и не изданнаго матеріала, но очеркъ этотъ въ книгѣ играетъ второстепенную роль¹⁾.

Таковы были обработки исторіи реформации въ Польшѣ до шестидесятихъ годовъ, когда стали появляться въ большомъ количествѣ изданія разныхъ памятниковъ важныхъ для исторіи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой²⁾. Большое значеніе принадлежитъ обнародованію «сеймовыхъ діаріевъ» (*dyaryusze sejmowe*, дневники сеймовъ) временъ Сигизмунда Августа³⁾. Эти діаріи вышли изъ посольской избы, въ которой въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ XVI вѣка было много протестантовъ, и составляютъ полное выраженіе ея взглядовъ и интересовъ по отношенію къ текущимъ дѣламъ. Это—описанія занятой сейма: тутъ мы находимъ рѣчи короля, сенаторовъ, земскихъ пословъ, пренія, заявленія, аудіенціи, — все это въ беспорядкѣ, съ пропусками, недописками и т. д., такъ что сейчасъ видно неофіціальное ихъ происхожденіе. Ихъ составляли частнымъ образомъ, и они могли су-

¹⁾ *De Noailles*. Henri de Valois et la Pologne en 1572. Paris. 1867. Главы 26 и отчасти 27 (т. II, стр. 97 — 163). Трудъ этотъ имѣть значеніе для исторіи католической реакціи въ Польшѣ.

²⁾ *Sowiński*, IV, 648 sq.; *Zakrzewski*, 9; *Bobrzyński*, I, 60—61; *Критическ. Обзорніе* 1879, № 18, стр. 1.

³⁾ Гр. *Титъ Дзялынскій* издалъ діаріи сеймовъ Петровскаго 1562—1563 г. и Варшавскаго (*Źródłorobismo do dziejów unii*. Poznań. 1861); *Владиславъ Хоментовскій*—діарій сейма Петровскаго 1565 г. (*Biblioteka Ordynacyi Krasińskich*. Warszawa. 1868); въ 1869 г. въ Краковѣ были изданы *Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta 1555 i 1558 r, w Piotrkowie złożonych*.

ществовать не въ одной редакціи ¹⁾). Важность изданія этихъ памятниковъ польскаго „парламентаризма“ для исторіи реформаціоннаго движенія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: мы по нимъ знакомимся съ политической дѣятельностью протестантской партіи, съ тою борьбою между шляхтою и духовенствомъ, которая была одною изъ причинъ польской реформаціи ²⁾). Равнымъ образомъ дневники эти важны и для исторіи польскаго „парламентаризма“ въ XVI вѣкѣ ³⁾: такъ какъ главные сеймовые дѣятели времени Сигизмунда Августа въ родѣ Геронима Оссолинскаго и Николая Свѣницкаго были протестанты, то память о нихъ и о ихъ дѣятельности была совершенно почти уничтожена въ послѣдствіи іезуитской реакціей ⁴⁾). Важно также изданіе корреспонденціи папскихъ нунціевъ въ Польшѣ, увидѣвшей свѣтъ въ шестидесятихъ же годахъ ⁵⁾, хотя, напримѣръ, еще въ 1847—51 гг. издана была Н. Малиновскимъ переписка Коммендоне съ Карломъ Боромеемъ ⁶⁾.

На основаніи этихъ новыхъ источниковъ взялся за исторію рефор-

¹⁾ Очень можетъ быть, что діарій 1553 г. былъ составленъ Іеронимомъ Оссолинскимъ, однимъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей польскаго протестантизма, что почти достоверно для дневниковъ 1555 и 1558 гг. См. Dyar. sejm. Koron. 1548, 53 і 70 г., стр. 34 і 111. Діарій Люблинскаго сейма 1569 г. существуетъ въ двухъ редакціяхъ: одна издана гр. *Дзямлинскимъ* (*Porzandne spiszenie wsitkiego seyma walnego koronnego ktori beł celebrowan w Liublinie a. D. 1569. Poznań. 1856*), а другая—Археографическою Коммиссіей подъ редакціей профессора *Кояловича* (С.-Пб. 1869).

²⁾ См. нашу статью „Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины XVI вѣка“ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за 1881 г. (сентябрь і октябрь). Объ этой борьбѣ см. еще *Otia Cornicensia Romanovskaja. Poznań. 1861*. Въ этомъ сочиненіи мы впервые встрѣчаемся съ изображеніемъ сеймовой борьбы XVI вѣка.

³⁾ Между прочимъ объ этомъ см. у *Vobrzyńskiego* въ его Польской исторіи.

⁴⁾ Ср. слова *Шуйскаго* въ предисловіи къ изд. діаріевъ 1548, 1553 і 1570 г. въ *Scriptores rerum polonicarum* (Kraków. 1872, т. I): *Gruba niepamięć okryła koryfeuszów sejmowych z czasów Zygmunta Augusta. Zwrot powszechny ku katolicyzmowi potępił ich jak innowierców, zatarł z skrzytnością ślady ich politycznego działania* (стр. 34). Назвико (Николая Свѣницкаго) swego czasu głośne, w dziejach parlamentarnych parlamentaryzmu polskiego pierwszę rolę odgrywające, а pokryto grubą mgłą zapomnienia (стр. 77).

⁵⁾ См. *Relacye nuncyuszów apostolskich і innych osób o Polsce. Berlin і Poznań. 1864; Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae. 1860—65 т. II*. Въ нашъ планъ не входитъ говорить объ изданіяхъ памятниковъ, а потому мы ограничиваемся по этой части только нѣкоторыми указаніями.

⁶⁾ *Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta. Wilno.*

маці въ Польшѣ профессоръ Викентій Закржевскій, челоѣкъ науки, который подошелъ къ предмету, не имѣя заранѣе готоваго католическаго или протестантскаго тезиса ¹⁾. Кромѣ печатнаго матеріала, Закржевскій воспользовался рукописными документами Коронной Метрики (Metryka koronna), состоящей изъ вѣсколькихъ сотъ фоліантовъ и хранящейся въ главномъ архивѣ царства Польскаго ²⁾. Въ 1870 г. Закржевскій издалъ свою небольшую (222 стр. текста и 58 примѣчаній) книжку подъ заглавіемъ „Возникновеніе и возростаніе реформациі въ Польшѣ“ ³⁾. Въ ней авторъ ограничивается эпохой процвѣтанія протестантизма (до 1572 г.) исключительно въ польскихъ земляхъ (то-есть, безъ Пруссіи и Литвы) и, оставляя въ сторонѣ все литературное движеніе эпохи, имѣющее то или другое отношеніе къ реформациі, останавливается главнымъ образомъ на политическомъ значеніи изслѣдуемаго имъ явленія. Онъ именно все вниманіе свое сосредоточиваетъ на шляхетскомъ движеніи, которое совпало съ реформационною эпохою, но остерегается дѣлать общіе выводы, хотя многіе изъ нихъ сами, такъ-сказать, напрашивались подъ перо. Научный характеръ книги, обиліе новаго матеріала, изображеніе польской реформациі съ новой точки зрѣнія, все это дѣлаетъ трудъ почтеннаго профессора первымъ, со времени выхода въ свѣтъ сочиненій Лукашевича и гр. Красинскаго, важнымъ трудомъ по исторіи реформациі въ Польшѣ. Чтобъ оцѣнить значеніе новаго матеріала, которымъ пользовался Закржевскій, укажемъ на отдѣльные примѣры. Хроникеры Гурницкій и Бѣльскій и многіе новые историки говорятъ о сеймѣ въ Красноставѣ лѣтомъ 1558 г., на который пріѣхало очень мало, и на которомъ ничего не было сдѣлано ⁴⁾. Изъ документовъ Метрики Коронной оказывается, что никакого сейма въ Красноставѣ не было (стр. 262). Съ другой стороны, Гурницкій и Бѣльскій молчатъ о важномъ сеймѣ, бывшемъ въ концѣ 1558 г. въ Петрковѣ, а тѣ, которые о немъ упоминаютъ, даютъ самое смутное о немъ по-

¹⁾ Закржевскій поставилъ себѣ безпристрастіе, какъ главное правило, стараясь, по собственнымъ его словамъ, *żeby same fakta za siebie mówily*.

²⁾ Въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ Закржевскій даетъ кое-что изъ этихъ документовъ. Архивъ находится подъ управленіемъ профессора Варшавскаго университета *А. И. Павинскаго*, который неутомимо работаетъ на поприщѣ изслѣдованія національной исторіи и изданія документовъ (*Źródła dziejowe*).

³⁾ *Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce (1520 — 1572)*. Napisał dr. *Wincenty Zakrzewski*. Lipsk. 1870.

⁴⁾ То же повторяетъ и *Szujski*. *Historya Polski*. II, 284.

пятіе ¹⁾, и только изданіе дневника этого сейма болѣе, чѣмъ въ полторы сотни страницъ, насъ знакомить съ тѣмъ, что на немъ дѣйствительно происходило ²⁾. Впервые изъ сочиненія Закржевскаго мы узнаемъ о существованіи строгаго эдикта Сигизмунда I отъ 7-го марта 1523 г., грозившаго смертью на кострѣ и конфискаціей имуществъ а ввозъ, чтеніе и распространеніе книгъ Лютера и другихъ реформаторовъ (стр. 25 и 229): авторъ нашелъ его въ Коронной Метрицѣ. Однако во многихъ мѣстахъ Закржевскій жалуется на недостатокъ матеріаловъ (25—26, 38, 41, 43) и говоритъ, что его работа, вѣроятно, во многихъ случаяхъ будетъ измѣнена, когда откроются новые матеріалы. Въ самомъ дѣлѣ, почтенный профессоръ не пользовался, напримѣръ, дневниками сеймовъ 1548, 1553 и 1570 г., которые были изданы профессоромъ Шуйскимъ только черезъ два года по выходѣ въ свѣтъ книги профессора Закржевскаго ³⁾. Поэтому въ послѣдней существуетъ важный пробѣлъ относительно Краковскаго сейма 1553 г., такъ какъ другія извѣстія о сеймѣ (стр. 251) не дозволяли историку даже отвѣтить на вопросъ, поднимались ли на этомъ сеймѣ дѣло религіи и споры шляхты съ духовенствомъ (стр. 70). Весь новый матеріалъ, опубликованный въ шестидесятихъ годахъ, впервые былъ введенъ въ исторію реформаціи въ Польшѣ профессоромъ Закржевскимъ, который и самъ кое-что нашелъ въ Варшавскомъ архивѣ. Послѣ 1870 г. издавались новые источники, что не мѣшало однако слѣдующимъ за профессоромъ Закржевскимъ изслѣдователямъ предмета дѣлать самостоятельныя изысканія въ архивахъ, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи изученіе предмета за послѣднія пятнадцать лѣтъ быстро двинулось впередъ.

Не имѣя въ виду давать здѣсь полную библиографію, мы остановимся только на главнѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи Польши въ XVI вѣкѣ и на тѣхъ болѣе мелкихъ монографіяхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ предмету ⁴⁾; библиографическіе обзоры

¹⁾ У Шуйскаго все дѣло разказано менѣе, чѣмъ въ десяти строкахъ. II, 285.

²⁾ *Zakrzewski*, 115—138. Ср. въ нашей статьѣ о борьбѣ шляхты съ духовенствомъ стр. 177—186.

³⁾ *Scriptores rerum polonicarum*. Kraków. 1872. T. I: *Dyar. sejm. koron. 1548*, 53 i 70 г.

⁴⁾ Въ 1872 г. Бреславль вышла въ свѣтъ *Geschichte der Reformation in Polen Конецкаго (Koniecki)*. Эта небольшая книжка посвящена главнымъ образомъ обзору теологической и полемической литературы въ Польшѣ XVI вѣка и можетъ служить некоторымъ пособіемъ при изученіи этого предмета, но новаго ничего она собою не представляетъ.

читатель можетъ найти въ руководствахъ Вобржинскаго и Шуйскаго, заключающихъ въ себѣ довольно подробныя указанія на литературу предмета ¹⁾, а для польской библиографіи XV и XVI вѣковъ отмѣтимъ здѣсь извѣстное изданіе Эстрейкера ²⁾, вышедшее въ свѣтъ въ 1875 г. это переченъ болѣе, чѣмъ семи тысячъ книгъ болшею частью польскихъ и о Польшѣ, появившихся между 1455 и 1600 годами. Какъ справочная книга, эта „Польская библиографія“ имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для занимающихся исторіей Рѣчи Посполитой въ XVI вѣкѣ.

Оживленіе занятій исторіей реформаціоннаго періода въ Польшѣ выразилось въ шестидесятыхъ и особенно въ семидесятыхъ годахъ въ появленіи нѣсколькихъ біографій и характеристикъ лицъ, принимавшихъ участіе въ протестантскомъ движеніи въ Рѣчи Посполитой. Въ 1864 году Антонъ Малецкій, а въ 1867 году графъ Станиславъ Тарновскій написали о польскомъ политическомъ писателѣ XVI вѣка Андреѣ Фричѣ Морджевскомъ ³⁾, которому недавно посвятилъ монографію Эдмундъ Дылевскій ⁴⁾. Въ 1870 году Людвигъ Кубала написалъ о Станиславѣ Орzechовскомъ и его вліяніи на Рѣчь Посполитую во время реформаціи, къ которой этотъ дѣятель XVI вѣка имѣетъ довольно значительное отношеніе ⁵⁾. Въ 1872 году въ Библиотекѣ Варшавской появилась небольшая статья Кипріяна Валевскаго о польскомъ реформаторѣ Янѣ Ласкомъ ⁶⁾, но о дѣятельности его на родинѣ авторъ говоритъ

¹⁾ Dsijeje Polski w zagysie przez *M. Bobrzyńskiego* (первое изданіе 1879 г., второе, въ двухъ томахъ, 1881 г.) передъ каждою главою заключаютъ въ себѣ указанія на литературу предмета. Въ сочиненіи *Шуйскаго* *Historji Polskiej* treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście въ концѣ приложено обзорное польской исторіографіи (*Źródłoznawstwo historyi polskiej*).

²⁾ *Bibliografia Polska XV i XVI stolecia. Zestawienie chronologiczne 7200 druków w kształcie rejestru do bibliografii, tudzież spis abecadłowy tych dzieł które dochowały się w bibliotekach polskich przez Estreichera*. Kraków. 1875.

³⁾ *A. Małeczki*. Andrzej Frycz Modrzewski (Biblioteka Ossolińskich. Lwów. 1864); *St. Tarnowski*. Frycz Modrzewski (*Przegląd Polski*. Kraków. 1867).

⁴⁾ *Э. Дылевскій*. Андрей Фричъ Морджевскій, польскій политическій писатель эпохи реформаціи. Варшава. 1884.

⁵⁾ *L. Kubala*. Stanisław Orzechowski i wpływ jego na Rzeczpospolitę wobec reformacyi XVI wieku Lwów. Раньше о немъ писалъ гр. Оссолинскій, въ т. III своихъ *Wiadomości historyczno-krytycznych do dziejów literatury polskiej* (Kraków 1822).

⁶⁾ *C. Walewski*. Jan Łaski, reformator kościoła (*Biblioteka Warszawska* 1872 II, стр. 357—392). Сочиненія Ласкаго изданы въ 1866 г. въ Амстердамѣ д-ромъ *Кюперомъ* въ двухъ томахъ. См. монографію о Ласкомъ *Далтона*.

очень мало, и дѣятельность эта оцѣнивается недостаточно, такъ какъ, по мнѣнію автора, все ея значеніе будто бы въ томъ, что Ласкій положилъ краеугольный камень для сандомірскаго соглашенія, до котораго не дожилъ самъ, тогда какъ онъ былъ главнымъ организаторомъ малопольскихъ переквей¹⁾. Въ 1874 г. вышла въ свѣтъ біографія польскаго поэта-протестанта Николая Рея изъ Нагловицъ, написанная Брониславомъ Завадскимъ²⁾: въ ней авторъ разсматриваетъ дѣятельность поэта въ связи съ общимъ характеромъ реформаціонной эпохи въ Польшѣ. „Чтобы понять Рея“, говоритъ онъ, — „необходимо представить его на почвѣ реформаціонной борьбы, которая въ XVI в. расколола польское общество; чтобы оправдать его или осудить, необходимо изслѣдовать сущность этой борьбы, ея характеръ, равно какъ природу и силу вліянія, которое она оказала на развитіе жизни народной“³⁾. Для историка реформаціи въ Польшѣ могутъ быть преимущественно интересными тѣ страницы книги Завадскаго, гдѣ рѣчь идетъ о религіозныхъ произведеніяхъ Рея, хотя намъ кажется преувеличеннымъ утвержденіе автора, будто „ничто въ такой степени не даетъ возможности понять все умственное движеніе въ Польшѣ XVI в., какъ именно сочиненія Рея“⁴⁾. Между прочимъ Завадскій въ реформаціи видитъ движеніе, которое способствовало, такъ-сказать, демократизаціи польской литературы (стр. 23 и сл.). Въ семидесятыхъ же годахъ вышло нѣсколько работъ, освѣщающихъ исторію гуситства въ Польшѣ: это вопросъ очень важный для польскаго протестантизма XVI в., такъ какъ прежніе историки преувеличивали значеніе гуситскаго движенія для возникновенія реформаціи въ Рѣчи Посполитой⁵⁾.

1) Въ книгѣ варшавскаго профессора *Н. Н. Любовича* есть цѣлая глава о дѣятельности Ласкаго, какъ реформатора въ Малой Польшѣ (стр. 222—256), и объ организаціи, данной Ласкимъ Малопольской церкви (стр. 257 и сл.).

2) *B. Zawadzki, Mikołaj Rej z Nagłowic. Lwów. 1874.* Недавно вышла работа *Е. Сагаjewskiego: Mikołaj Rej z Nagłowic na sejmach.*

3) Стр. 6. *Może pierwszy będziemy, ktorzy zasługę Reja na inne przeniesiemy pole* (то-есть, не въ поэзіи), говоритъ авторъ въ самомъ началѣ книжки.

4) *Z pism jego daleko jasniej i звięзlej pojmujemy całą ruch pomyślowy XVI wieku aniżeli z kronik i polemicznych zapasow współczesnych,* стр. 2.

5) Профессоръ *Любовичъ* даже того убѣжденія, что принятое всеми историками мнѣніе о существованіи связи между гуситскимъ движеніемъ въ Польшѣ и реформаціоннымъ не можетъ быть научно установлено и должно быть отвергнуто. Къ сожалѣнію, самъ онъ не доказываетъ своей мысли, хотя она и вѣрна въ общемъ. Эти доказательства читатель найдетъ въ «Исторіи реформаціи» кс. *Буковскаго*, т. I, стр. 24 и сл., особенно 49, 52 и слѣд.

Работы, о которыхъ я здѣсь говорю, принадлежать Августу Соколовскому ¹⁾, дру Антону Прохаскѣ ²⁾, профессору О. О. Первольфу ³⁾ и др. Ниже мы укажемъ еще на работы, вышедшія за то же время по исторіи католической реакціи въ Польшѣ; ихъ также нѣсколько. Все это значительно двинуло впередъ исторію реформациі въ Польшѣ ⁴⁾.

Между прочимъ эти успѣхи науки сказались прежде всего на общихъ обработкахъ польской исторіи. Въ 1861—1865 гг. профессоръ Шуйскій издалъ въ четырехъ томахъ „Исторію Польши на основаніи послѣднихъ изслѣдованій“ ⁵⁾: во второмъ томѣ этого сочиненія, вышедшемъ въ 1862 году, мы впервые имѣемъ вообще болѣе полное изложеніе эпохи Сигизмунда-Августа, но о реформациі говорится здѣсь очень мало и поверхностно. Только въ вышедшей въ 1879 году и надѣлавшей много шума книгѣ профессора Михаила Бобржинскаго „Dzieje Polski w zarysie“ на основаніи новыхъ изслѣдованій и самостоятельнаго изученія авторомъ источниковъ (главнымъ образомъ упомянутыхъ діаріевъ) реформациі отведено надлежащее мѣсто въ общемъ обзорѣ польской исторіи ⁶⁾. На реформацию авторъ смотритъ съ по-

¹⁾ *Sokołowski*. Ostatni obrońcy hussytyzmu w Polsce (*Przegląd Polski* 1870). Spytek z Melsztyna i Dzierzław z Rytwian (*Przewodnik naukowy i literacki*. 1873). Andrzej Gałka z Dobczyna, poeta polski XVI wieku (*Ibid.* 1874).

²⁾ *A. P. Husztya polski* (*Przewodnik nauk i lit.* 1873); *Dr. A. Prohaska*. Polska a Czechy w czasach husyckich aż do odwołania korybuta z Czech (*Rozprawy a sprawozdania z posiedzeń wydziału hist. filozof. Akad. Umiejętności*. 1877. VII, 1878, VIII). См. также его *Szkice historyczne*.

³⁾ *Perwolf*. Čechové a Poláci v XV a XVI stuleti (*Osvěta*. 1873. См. особенно главу III: Husitství v Polsku). См. еще *St. Smolka*. Polska w obec wybuchu wojen husyckich (*Ateneum*. 1878. *Jul. Sutowicz*. Stosunek Jagełły do hussitów czeskich (*Biblioteka Warszawska* 1879).

⁴⁾ См. еще *A. Pawiński*. O synodzie piotrkowskim z roku 1577 (Żródła dziejowe. IV). Кстати замѣчу, что авторъ названной работы, А. И. Павинскій, въ своей книгѣ: *Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej* (Warszawa. 1884) касается вопроса о вліяніи гуситства на этого польскаго политическаго писателя XV в.

⁵⁾ *Szujski*. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów.

⁶⁾ Во второмъ изданіи, см. т. II, стр. 58—118, глава подъ названіемъ „Reformacya. Szlachta prada w walce swojej z anarchią o naprawę Rzeczypospolitej“ (1548—1572). Критиковалъ взглядъ автора на реформацию кс. *В. Каминка* (О książce М. Бобрзуńskiego *Dzieje Polski w zarysie*. Kraków. 1879). Съ нимъ и съ профессоромъ Шуйскимъ (по поводу книги послѣдняго *Odrodzenie i reformacya*) Бобржинскій полемизируетъ во второмъ изданіи книги.

литической точки зрѣнія: онъ именно разсматриваетъ политическую программу протестантскихъ пословъ на сеймахъ XVI вѣка и приходитъ къ тому убѣжденію, что реформація сдѣлалась элементомъ разстройства лишь тогда, когда пали надежды на легальную реформу церкви и на проведеніе политической программы о направлѣ Рѣчи Посполитой: было однако время, когда, по автору, реформація могла бы быть для Польши весьма полезною. Такой взглядъ почтеннаго профессора поднялъ противъ него дѣлую бурю, и ему пришлось во второмъ изданіи защищаться, напоминая самыя элементарныя правила исторической науки. „Въ XVII вѣкѣ“, говоритъ онъ, — „старались совершенно изгнать (въ подлинникѣ *wymazać*) реформацію изъ нашей исторіи и опровергать даже ея существованіе. Теперь не годится идти этою дорогою. Мы можемъ въ концѣ концовъ признать реформацію за заблужденіе и указать на ея дурныя послѣдствія, но не нуждаемся въ томъ, чтобы чернить ее и заслонять ея хорошія стороны... Не значитъ это однако, что теперь историкъ мечтаетъ о національной церкви или протестантизмѣ“ (II, 68). Профессоръ Бобржинскій защищаетъ право польскаго историка изучать реформаціонное движеніе въ Польшѣ съ чисто научной, а не съ узко вѣроисповѣдной точки зрѣнія ¹⁾. Онъ идетъ по стопамъ Закржевскаго, обратившаго вниманіе на политическую сторону реформаціи, и самъ придаетъ важное значеніе этой сторонѣ, въ которой нужно, по его словамъ, „искать ключъ для разрѣшенія загадки позднѣйшихъ судебъ Рѣчи Посполитой“ (II, 59). Точка зрѣнія автора сводится къ вопросу: что могла бы дать хорошаго Польшѣ реформація, еслибъ она удалась въ этой странѣ; но Бобржинскій мало выясняетъ истинныя причины неудачи реформаціи въ Польшѣ, чуть ли не за все сваливая вину на характеръ и политику Сигизмунда-Августа. Впрочемъ, этого короля, который, дѣйствительно, своимъ поведеніемъ мѣшала установленію болѣе прочныхъ отношеній, Бобржинскій понялъ лучше, чѣмъ Шуйскій, сдѣлавшій изъ него какого-то героя католицизма, какимъ онъ вовсе не былъ.

Въ числѣ критиковъ Бобржинскаго былъ и Шуйскій ²⁾, высказавшій свой взглядъ на реформацію и въ своемъ компендіумѣ поль-

¹⁾ Najrozmaitsze sądy panują o reformacyi w literaturze historycznej, głównie dlatego, że większość historyków ocenia ją jednostronnie tylko z kościelnego i religijnego stanowiska... Nie jest to jednak stanowisko historyczne, II, 62.

²⁾ Kilka uwag o Dziejach Polski Michała Bobrzyńskiego (*Niwa* 1879).

ской исторіи ¹⁾, вышедшемъ въ 1880 году, и въ появившейся въ слѣдующемъ году книжкѣ о „Возрожденіи и реформаціи въ Польшѣ“ ²⁾. Въ послѣднемъ сочиненіи польскій историкъ поднимаетъ въ высшей степени важный и не для одной польской исторіи вопросъ объ отношеніи между Возрожденіемъ и реформаціей, гуманизмомъ и протестантизмомъ и рассматриваетъ такимъ образомъ реформацію въ Рѣчи Посполитой съ культурной точки зрѣнія, нѣсколько заброшенной по отношенію къ нашему предмету въ польской исторіографіи ³⁾. Но рѣшеніе вопроса у Шуйскаго довольно странное: строгій католикъ, онъ нападаетъ на реформацію между прочимъ за то, что вызванныя ею религиозныя войны, богословская полемика и фанатизмъ нанесли вредъ прогрессу и возрожденію классической древности, какъ одному изъ результатовъ прогресса, но въ то же время онъ обрушивается на гуманизмъ за внесенное имъ въ міръ разстройство моральныхъ и политическихъ отношеній. Сама реформація у него—результатъ умственного и нравственного разложенія, вызваннаго гуманизмомъ. Не смотря однако на это, книжка Шуйскаго имѣетъ значеніе по многимъ отдѣльнымъ очень мѣткимъ замѣчаніямъ и сопоставленіямъ и по своимъ примѣчаніямъ, въ которыхъ приводятся новые источники, но особенно по постановкѣ вопроса на культурную почву: съ этой стороны предстоитъ еще много сдѣлать.

Около этого же времени вышли и нѣкоторыя русскія работы, имѣющія отношеніе къ предмету: это именно диссертациі гг. И. Соколова ⁴⁾, Жуковича ⁵⁾ и Любовича ⁶⁾.

Г. Соколовъ вторую часть своей книги объ „Отношеніи протестантизма къ Россіи“ посвящаетъ

¹⁾ *I. Szujski*. *Historji Polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg XII*. Warszawa. 1880.

²⁾ *I. Szujski*. *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Kraków. 1881.

³⁾ Между прочимъ, въ польской литературѣ очень плохо изслѣдованъ антиринитаризмъ. Кстати о немъ см. работы *Fock'a* (*Der Socinianismus*, Kiel. 1847), *Trechsel* (*Die protestantischen Antitrinitatier*), *Левуцкаго* (Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси. Кіевъ. 1882. Печаталось въ *Кіевской Старинѣ*) и друг.

⁴⁾ *И. Соколовъ*. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880. См. мою рецензію въ *Русской Мысли* 1881 г., январь, стр. 19 — 24.

⁵⁾ *Жуковичъ*. Кардиналь Гозій и польская церковь его времени. С.-Петербургъ. 1882.

⁶⁾ *Н. Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ по неизданнымъ источникамъ. Кальвинисты и антиринитаріи. Варшава. 1883.

стантизма къ Россіи“ посвятилъ исторіи протестантизма въ русскихъ областяхъ, бывшихъ подъ властью Польши и Литвы. Къ сожалѣнію, авторъ, по видимому, не былъ знакомъ съ польскимъ языкомъ и пользовался нѣмецкими переводами Лукашевича и Красинскаго (названныхъ у автора Люкашевичемъ и Красинскимъ), плохо зная и польскую исторію,—приписывая, напримѣръ, Витовту, брату (sic!) Ягайлы, намѣреніе создать изъ своихъ владѣній самостоятельное государство на началахъ гуситства (стр. 247), а Сигизмунду-Августу планъ образовать изъ Литвы протестантское государство въ зависимости отъ Пруссіи (стр. 312); или, напримѣръ, убитый въ 1632 году Густавъ-Адольфъ у г. Соколова дѣлаетъ нашествіе на Польшу при Янѣ-Казиміръ, избранномъ на престолъ въ 1648 году. Даже Люблинская унія 1569 года у автора чуть не перемѣшана съ Брестскою (стр. 330). Вся заслуга г. Соколова, по крайней мѣрѣ, въ этой части его книги та, что онъ собралъ въ одно мѣсто богатый русскій матеріалъ, касающійся религіозной исторіи Польско-Литовскаго государства въ XVI вѣкѣ, но у автора тутъ были уже надежные предшественники и руководители ¹⁾).

Неизмѣримо выше и отличается уже вполне положительными качествами весьма полезная книга г. Жуковича о „Кардиналъ Гозіи и Польской церкви его времени“. Хотя авторъ имѣетъ цѣлью изобразить знаменитаго кардинала, какъ патріарха польскаго католичества, какъ его вождя въ борьбѣ съ протестантизмомъ, какъ инициатора іезуитской реакціи ²⁾, но у него, дѣйствительно, много мѣста отведено и Польской церкви того времени, при чемъ разсматривается не только чисто-протестантское движеніе, но и обнаружившееся въ Польшѣ XVI вѣка стремленіе создать національную церковь путемъ легальной реформы, которую произвелъ бы національный соборъ. Литература предмета и вновь изданные источники довольно хорошо извѣстны автору, пользующемуся и русскими источниками при освѣщеніи эпохи ³⁾. Г. Жуковичъ очень хорошо выяснилъ для русской

¹⁾ Мы не касаемся здѣсь русскихъ сочиненій, которыя отчасти затрогиваютъ предметъ, но больше по отношенію къ литовско-русскимъ, чѣмъ чисто польскимъ областямъ Рѣчи Посполитой. См. *Кояловичъ*. Литовская церковная унія. С.-Пб. 1859; Митрополитъ *Макарій*. Исторія русской церкви, С.-Пб. 1879. Томъ IX.

²⁾ Ниже мы будемъ имѣть случай вернуться къ монографіямъ о Гозіи.

³⁾ Книга г. Жуковича—магистерская диссертация, защищенная имъ въ С.-Петербургской духовной академіи 16-го января 1883 года. О диспутѣ см. въ *Литовскихъ Епарх. Вѣдом.* 1883 г. № 5, гдѣ приведены рѣчь г. Жуковича о поль-

публики уже установленную въ польской наукѣ связь реформаціи въ Польшѣ съ шляхетскимъ движеніемъ и обратилъ вниманіе на національное направленіе, которое въ ней выразилось. Во всякомъ случаѣ, однако этотъ почтенный трудъ относится болѣе къ числу подводящихъ итоги подъ сдѣланнымъ, нежели къ тѣмъ, которые пролагаютъ новые пути или обогащаютъ знаніе новыми матеріалами.

Съ послѣдней точки зрѣнія особенно важна именно магистерская диссертация варшавскаго профессора всеобщей исторіи Н. Н. Любовича „Исторія реформаціи въ Польшѣ“¹⁾. Хотя въ основу сочиненія положена односторонняя идея о роли религиозныхъ движеній, въ которыхъ авторъ усматриваетъ только слѣдствія политико-экономическихъ отношеній, игнорируя ихъ интеллектуальную и моральную стороны²⁾, и хотя въ книгѣ есть существенные пробѣлы (напримѣръ, мало выяснено значеніе гуситства и гуманизма въ Польшѣ),—тѣмъ не менѣе трудъ профессора Любовича, какъ основанный на не изданномъ матеріалѣ, строго-критически провѣряющій всѣ факты и проливающій на нихъ новый свѣтъ, имѣетъ важное значеніе, что признала и польская критика въ многочисленныхъ статьяхъ посвященныхъ этой новой „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“. Свой матеріалъ авторъ собиралъ нѣсколько лѣтъ въ архивахъ и библіотекахъ Петербурга, Варшавы, Вильны, Слудка, Данцига, Фрауенбурга, Кёнигсберга, Познани, Берлина, Гернгута, Бреславля, Кракова и Львова³⁾: экскерпты изъ не изданныхъ документовъ наполняютъ подстрочныя примѣчанія къ книгѣ, и цѣлые документы (главнымъ образомъ протоколы протестантскихъ синодовъ) напечатаны въ видѣ *pièces justificatives*, благодаря чему намъ дѣлается болѣе извѣстной внутренняя жизнь польскаго про-

ской реформаціи, возраженія оппонентовъ и тезисы. По мнѣнію официальнаго оппонента проф. церковной исторіи *Троицкаго*, это — «первый вполне научный опытъ изслѣдованія церковной жизни въ Польшѣ—въ области русской церковно-исторической литературы».

¹⁾ Это только начало болѣе обширнаго труда. Въ вышедшемъ томѣ рѣчь идетъ лишь о кальвинистахъ и антитринитаріяхъ въ Малой Польшѣ и изложеніе останавливается на 1562—1563 годахъ.

²⁾ Свою мысль г. *Любовичъ* выразилъ раньше въ брошюрѣ: *Общественная роль религиозныхъ движеній*. Варшава. 1880 (см. также *Вари. Универс. Извѣстія* 1881 г.), и повторилъ ее въ болѣе сжатомъ и нѣсколько смягченномъ видѣ на первыхъ страницахъ книги. Съ этой стороны я уже сдѣлалъ критическія замѣчанія о книгѣ проф. *Любовича* въ *Русской Мысли*, 1884, VIII.

³⁾ См. отчеты г. *Любовича* о своихъ командировкахъ въ *Университетскіяхъ Извѣстіяхъ Кіевскихъ* (1879) и *Варшавскихъ* (1882).

тестантизма. Кроме того, авторъ постоянно обращается и къ источникамъ по исторіи реформаціи на западѣ (знаменитый *Corpus reformatorum*), что ему позволяетъ слѣдить за сношеніями польскихъ протестантовъ съ Кальвиномъ и другими реформаціонными богословами: сторона дѣла, на которую какъ-то мало обращали вниманія прежніе историки польской реформаціи. Благодаря новому матеріалу и болѣе критическому отношенію къ старому, профессоръ Любовичъ, вообще избѣгающій полемики съ другими историками, дѣлаетъ не мало поправокъ въ сообщаемыхъ польскими писателями фактахъ, хотя и безъ обозначенія, гдѣ кто чѣмъ поправляется. Словомъ, новаго въ книгѣ очень много, особенно въ главахъ о Янѣ Ласкомъ, о внутренней жизни Малопольской церкви, объ антитринитаріяхъ. Положительные общіе результаты всего изслѣдованія заключаются, на нашъ взглядъ, въ томъ, что профессоръ Любовичъ выяснилъ причины слабости протестантизма въ Польшѣ: эти результаты необходимо принимать въ расчетъ, произнося историческое сужденіе о значеніи реформаціоннаго движенія въ судьбахъ Рѣчи Посполитой ¹⁾. Въ частностяхъ профессоръ Любовичъ далъ тоже немало важныхъ результатовъ, о которыхъ говорить въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ не мѣсто.

Послѣднимъ крупнымъ явленіемъ въ области исторіографіи польской реформаціи была вышедшая въ 1883 г. книга ксендза Буковского, посвященная Краковскому епископу Дунаевскому и написанная, по объясненію автора, вслѣдствіе „ревностнаго желанія служить дѣлу церкви и отчизны“: это—первый томъ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“

¹⁾ Г. Любовичъ защищалъ свою диссертацию въ Кіевѣ 13-го декабря 1883 г. Къ диссертации издааны были диссертационные «тезисы», коими мы и пользуемся здѣсь для передачи мысли автора. 1) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка. 2) Причины, вызвавшія реформацію въ Польшѣ (не вѣрнѣ ли: вызвавшія эту борьбу), были политико-экономическаго характера. 10) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому по справедливости можетъ быть названо шляхетскимъ. 11) *Сила реформаціоннаго движенія въ Польшѣ только кажущаяся, а въ дѣйствительности это движеніе крайне поверхностно и не пускаетъ глубокихъ корней въ общество.* 13) Фанатизмъ въ протестантскомъ движеніи Польши отсутствуетъ. 14) *Въ моментъ наивысшаго развитія своихъ силъ реформаціонное движеніе не въ состояннн сокрушитъ католической церкви и только временно парализуетъ ея дѣятельность.* 15) *Причины быстрого упадка польской реформаціи коренятся въ ней самой: кальвинская церковь не имѣетъ прочной организаціи, духовенство ея лишено всякой самостоятельности, число реформированныхъ церквей относительно не велико, и сверхъ того, въ этой церкви появляются секты.*

отъ ея вступленія въ Польшу до ея паденія“¹⁾. Обширное сочиненіе ксендза Буковскаго, написанное съ ультра-католической точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія по своему фактическому матеріалу и по нѣкоторымъ частнымъ обобщеніямъ: авторъ пользовался архивными источниками, давшими ему нѣкоторые новые факты²⁾, и вообще онъ сообщаетъ весьма много подробностей, имѣющихъ отношеніе къ частнымъ сторонамъ вопроса. Для примѣра отмѣтимъ очеркъ болѣе раннихъ ересей въ Польшѣ (стр. 5 sq.) и особенно гуситства (стр. 24 sq.), отдѣлъ о гуманизмѣ въ Рѣчи Посполитой (стр. 55 sq.), изложеніе разныхъ процессовъ de haeresi въ самомъ началѣ реформаціоннаго движенія (стр. 165 sq.), цѣлую исторію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семей, принадлежавшихъ къ польскому протестантизму (стр. 244.—316), факты относительно школъ протестантскихъ (369 sq.) и католическихъ (396 sq.), „еретическихъ“ сборовъ (405 sq., особенно 424 sq.), количества протестантской шляхты (437 sq.), обзоръ протестантской прессы (440 sq.) и католическихъ полемическихъ сочиненій (465 sq.) и т. п. Не придавая большаго значенія общимъ выводамъ автора и еще менѣе раздѣляя основную точку зрѣнія его труда, мы не можемъ отказать „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“ ксендза Буковскаго въ значеніи, какъ труду, богатому именно фактическимъ матеріаломъ.

Общія исторіи реформаціи въ Польшѣ, не ограничивающіяся, какъ книги профессоровъ Закржевскаго и Любовича, періодомъ процвѣтанія польскаго протестантизма, заключаютъ въ себѣ и исторію католической реакціи. Последняя сама по себѣ во всемъ своемъ объемѣ никогда не дѣлалась предметомъ особаго изслѣдованія: она вся еще въ біографіяхъ отдѣльныхъ представителей католицизма и въ монографіяхъ объ отдѣльныхъ событіяхъ и періодахъ польской исторіи XVI и XVII вѣковъ.

Въ то самое время, какъ протестантскихъ своихъ дѣятелей или такихъ неправовѣрныхъ католиковъ, какимъ былъ Андрей Фричъ Модржевскій³⁾, поляки все болѣе и болѣе забывали, дѣятели като-

¹⁾ Кс. *J. Bukowski*. Dzieje reformacyi w Polsce od wejścia jej do Polski aż do jej upadku. Kraków. 1883.

²⁾ Кс. Буковскій откопалъ даже вигдѣ не напечатанный эдиктъ Ягайлы отъ 1408 г., который предписываетъ всемъ королевскимъ чиновникамъ помогать инквизиторамъ ереси въ ихъ дѣятельности (I, 26).

³⁾ *Э. Дылевскій*. Андрей Фричъ Модржевскій, польскій политическій писатель эпохи реформаціи. Варшава. 1884. О томъ, что Модржевскій, сочиненіи котораго

лической реакціи находили въ обществѣ постоянно біографовъ-панегристовъ. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ смерти кардинала Гозія (1579 г.) его жизнь сдѣлалась предметомъ сочиненія Томи Третера подъ названіемъ „Theatrum virtutum Hosii“, изданнаго впервые внукомъ автора въ 1686 и перепечатаннаго въ Краковѣ въ 1879 году. Равнымъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти знаменитаго кардинала, именно въ 1587 г. издана была въ Римѣ его біографія, написанная Репкою ¹⁾ и послѣ того переиздававшаяся два раза (въ 1690 и 1879 годахъ). Въ новѣйшее время біографія Гозія, основанная на разныхъ документахъ двухъ Фрауенбургскихъ архивовъ, епископскаго и капитульнаго, была написана Эйхгорномъ ²⁾, бывшимъ преподавателемъ церковной исторіи въ Гозіанскомъ лицей (Lyceum Hosianum въ Браунсбергѣ), посвятившимъ свой трудъ Вармійскому епископу I. A. Герцицу, „dem würdigen Nachfolger des Cardinals Hosius auf der ermländischen Kathedra“. Впрочемъ, у Эйхгорна нѣтъ той узкой вѣроисповѣдной точки зрѣнія и католической страстности, которыми отличается біографія-панегирикъ іезуита Петра Скарги, написанная графомъ Дзѣдушицкимъ. Эйхгорнъ дѣятельности Гозія въ Польшѣ посвятилъ едва только четвертую часть своего труда, такъ какъ главные источники изданы были послѣ ³⁾. Съ этой стороны, указанное выше сочиненіе г. Жуковича имѣетъ всѣ преимущества передъ трудомъ Эйхгорна, но вообще кардиналъ Гозій былъ только дѣятелемъ зарождавшейся католической реакціи, разгаръ которой связанъ съ другими именами. Это были большею частію іезуиты, давнымъ-давно находившіе біографовъ ⁴⁾ и теперь дѣлающіеся предметами либо

De republica emendanda было переведено на разные языки, доставивъ ему большую славу за границей, совершенно былъ забытъ позднѣйшими польскими писателями, см. стр. 7 названной книги.

¹⁾ D. Stanislai Hosii S. R. E. cardinalis majoris poenitentiarum et episcopi varmiensis vita. Auctore Stanislawo Rescio. Перепечатана въ первомъ томѣ писемъ Гозія, изданныхъ Краковскою академіей наукъ.

²⁾ Eichhorn. Der ermländische Bischof und Cardinal Stanislaus Hosius. Mainz. 1854—1855. Другое сочиненіе Эйхгорна о Мартинѣ Кромерѣ: Der ermländische Bischof Martin Kromer als Schriftsteller, Staatsmann und Kirchenfürst. Braunsberg. 1868. О томъ же Кромерѣ см. соч. *Cypryana Walewskiego* Marcin Kromer. Warszawa. 1874.

³⁾ Письяма Гозія въ новомъ изданіи печатаются въ Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Cracoviae. 1879.

⁴⁾ *Rychcicki*. Piotr Skarga i wiek jego. I, 7 — 11 (перечисленіе сочиненій о Скаргѣ).

неумѣренной похвалы (напримѣръ, Петръ Скарга въ сочиненіи графа Дядлушицкаго ¹⁾), либо дѣйствительно научныхъ изслѣдованій, какова монографія варшавскаго профессора Θ . Ф. Вержбовскаго о Христофорѣ Варшевицкомъ ²⁾). Почтенный авторъ этого сочиненія, пока извѣстнаго мнѣ не вполнѣ, такъ какъ оно печатается по частямъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, въ своей биографіи Варшевицкаго разсматриваетъ генезисъ и проявленіе „двухъ“, какъ онъ выражается, — „пассатныхъ вѣтровъ, которые извнѣ постоянно дули на Польшу въ теченіе второй половины XVI столѣтія, и основаніемъ которыхъ было взаимное соглашеніе и союзъ Габсбургской династіи, главнымъ же образомъ, старшей ея вѣтви съ Римскою куріей“: это — реакція въ пользу католицизма, вышедшая изъ Рима, и стремленіе навязать Польшѣ борьбу съ турками, характеризующее вѣнскую политику, а Христофоръ Варшевицкій былъ однимъ изъ главныхъ бойцовъ за Римъ и Австрію въ Рѣчи Посполитой (стр. 14—15). Г. Вержбовскій выясняетъ здѣсь особыя причины, которыя заставили папство послѣ тридентскаго собора приложить усиленное стараніе къ удержанію Польши въ лонѣ католической церкви. По объясненію автора, польская реформація стала скоро падать, потому что была только средствомъ въ борьбѣ свѣтскаго сословія съ духовенствомъ, а кромѣ того, смерть Сигизмунда-Августа и прекращеніе династіи Ягеллоновъ выдвинули на первый планъ иной вопросъ — избраніе короля на осиротѣлый тронъ. Это время было какъ разъ эпохой энергичной дѣятельности папскихъ нунціевъ и легатовъ въ Польшѣ. Во „введеніи“ къ своему труду авторъ приводитъ литературу предмета и указываетъ, гдѣ онъ нашелъ свои не изданные матеріалы.

Вторую категорію сочиненій, касающихся исторіи католической реакціи въ Польшѣ, составляютъ монографическія изслѣдованія о безкорольяхъ, бывшихъ въ Польшѣ по прекращеніи династіи Ягел-

¹⁾ См. *M. Bobrzyński. Kazania sejmowe Skargi. Kraków. 1876.*

²⁾ *Тедоръ Вержбовскій. Христофоръ Варшевицкій (1543—1603) и его сочиненія. Историко-литературное изслѣдованіе. Г. Вержбовскій напечаталъ раньше (1883) въ Варшавѣ Christophori Varsevicii opuscula inedita, ad illustres viros epistolae, caeteraque documenta vitam ac res gestas ipsius illustrantia (изданіе кассы имени д-ра Юліана Мянковского). Замѣтимъ, что г. Вержбовскій вообще очень дѣятельно занимается изданіемъ историческихъ матеріаловъ для XVI вѣка (см. Uchansiana, отчеты, печатавшіеся въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* и т. п.).*

иновъ. Замѣчу, что эти безкоролья имѣли многочисленныхъ современныхъ историковъ, оставившихъ намъ о нихъ свои сказанія ¹⁾, а потому и въ наше время привлекли къ себѣ вниманіе нѣсколькихъ изслѣдователей не только въ Польшѣ, но и въ Германіи, и во Франціи, и въ Россіи, и въ Чехіи ²⁾. Мы отмѣтимъ здѣсь одного изъ первыхъ за послѣднее время писавшихъ о безкорольѣ 1572—1573 годовъ, именно Реймана, автора двухъ статей въ *Historische Zeitschrift* Зибеля за 1864 годъ „Выборъ въ польскіе короли въ 1573 году“ и „Борьба Рима противъ религіозной свободы Польши въ 1573 и 1574 годахъ“, — отмѣтимъ потому, что авторъ первый заинтересовался не столько политическими отношеніями первыхъ безкорольей по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, сколько борьбою папской куріи противъ религіозной свободы въ Польшѣ, и цѣлью своихъ маленькихъ изслѣдованій поставилъ дать, выражаясь словами самого автора, *einen Beitrag zur Geschichte der Gegenreformation* ³⁾: такимъ характеромъ отличается главнымъ образомъ вторая статья. Послѣ Реймана большая часть историковъ, писавшихъ о безкорольяхъ, обращали вниманіе на вопросъ религіозный, и книга Закржевскаго „Послѣ бѣгства Генриха“ (Валуа) можетъ даже разсматриваться, какъ продолженіе его исторіи реформаціи, а всѣ перечисленныя выше польскія, нѣмецкія, французскія и русскія книги

¹⁾ *Świętosław Orzelski*. *Interregni Poloniae libri VIII*. Изд. въ польскомъ переводѣ (*Bezkrólewia ksiąg ośmiuro*) съ рукописи императорской публичной библиотеки Вл. Спасовичемъ. 1856. *J. D. Solikowski*. *Commentarius brevis rerum polonicarum*. 1647. *I. Heidenstein*. *Rerum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII*. См. *Dziejepisowie krajowi* въ изд. Вольфа.

²⁾ *Wł. Tomek*. *Snaby domu rakauského o nabyti koruné polske v XVI st.* (Временникъ чешскаго музея. 1851). *Piliński*. *Das polnische Interregnum von 1572—1573*. Heidelberg. 1861 (по польски *Bezkrólewie po Zygmuncie Auguście* въ *Przeglądzie Polskim*. 1872). *Reimann*. *Die polnische Königswahl von 1573 und Der Kampf Roms gegen die religiöse Freiheit Polens in den Jahren 1573 und 1574* (*Historische Zeitschrift*. 1864, XI и XII). *S. Hüppe*. *De Poloniae post Henricum interregno*. Бреславль. 1866. *Marquis de Noailles*. *Henri de Valois et la Pologne en 1572*. Paris. 1867. *Трачевскій*. *Польское безкоролье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ*. Москва. 1869. *Zakrzewski*. *Po ucieczce Henryka*. Kraków. 1878. *Уманецъ*. Два года послѣ Ягеллоновъ (вторая часть „Вырожденія Польши“. Спб. 1872) и Русско-литовская партія въ Польшѣ 1574—1576 гг. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875). *T. Wierzbowski*. *Zabiegi cesarza Maxymiliana o koronę polską* (*Ateneum*. 1879). Это только сочиненія о первыхъ двухъ безкорольяхъ.

³⁾ *Hist. Zeitschrift*. 1864. XI, 68.

и статьи могут разсматриваться, какъ Beiträge zur Geschichte der Gegenreformation in Polen.

Третью категорію такихъ Beiträge составляютъ изъ себя сочиненія объ отдѣльныхъ событіяхъ, каковы Литовская церковная унія 1596 года ¹⁾, рокошъ Зебржидовскаго ²⁾ и т. п. Не идя въ своемъ обзорѣ далѣе начала XVII вѣка, когда уже ясно сказалась побѣда католической реакціи, мы должны указать на то, что, въ общемъ нѣтъ еще труда, который можно было бы назвать eine erschöpfende Arbeit для трехъ послѣднихъ десятилѣтій въ Польшѣ, когда католицизмъ начиналъ видимо подымать голову, а протестантизмъ показалъ все свое безсиліе въ Польшѣ ³⁾. Исторія католической реакціи въ Польшѣ ждетъ еще своихъ изслѣдователей и особенно исторія іезуитовъ и ихъ дѣятельности въ Рѣчи Посполитой ⁴⁾.

Пишущій эти строки, желая дать русской публикѣ краткій и популярный очеркъ реформации и католической реакціи въ Польшѣ, изложилъ результаты своихъ занятій этимъ предметомъ въ большой статьѣ: „Реформация и католическая реакція въ Польшѣ“ ⁵⁾: въ статьѣ этой, такъ сказать, подводятся итоги подъ всѣмъ, что сдѣлано по предмету польскими и иноземными историками. Авторъ надѣется со временемъ издать ее отдѣльною книгой, переработавъ и снабдивъ бѣльшимъ количествомъ примѣчаній.

Для полной и обстоятельной исторіи польской реформации и, пожалуй, особенно католической реакціи остается сдѣлать еще много, но вѣдь настоящая работа только что началась. Еще масса матеріала остается не изданною и даже не разысканною. Тѣмъ не менѣе и при современномъ состояніи этого вопроса въ исторической

¹⁾ *Кояловичъ*. Литовская церковная унія. С.-Пб. 1859. Польскія о ней сочиненія *Бартошевича* (1880), кс. *Ликовскаго* (1865) и *Ю. Пеллша* (Geschichte der Union der ruthenische Kirche mit Rom. Wien. 1879—1880).

²⁾ *Henryk Schmitt*. Rokosz Zebrzydowskiego. Lwów. 1858. Kilka uwag w sprawie rokoshu Zebrzydowskiego (*Rocznik towarzystwa przyjaciół nauk*. Poznań. 1865). *К. Козловскіи*. Przed rokoshem 1598—1605 r. Warszawa. 1866.

³⁾ Ср. *М. Bobrzyński*, изд. 2. II, 119.

⁴⁾ О іезуитахъ въ польской литературѣ, конечно, есть монографіи (*Dzieduszycki*. Piotr Skarga. *Ks. Załęski*. Czy jezuita zgubili Polskę. Lwów. 1874. *Muczkowski*. Bractwa jezuitckie. Kraków. 1845. *Krasicki*. De Societatis Iesu in Polonia primordiis. Berolini. 1860 и т. п.), но вопросъ о роли этого ордена требовалъ бы болѣе детальной разработки, отрѣшенной отъ обычной у многихъ польскихъ писателей ультра-католической точки зрѣнія.

⁵⁾ *Вѣстникъ Европы*. 1885, августъ и слѣд.

наукъ главные контуры судебъ польскаго протестантизма обозначаются довольно ясно, такъ что подведеніе итоговъ не можетъ считаться рискованнымъ: въ деталяхъ еще многое измѣнится, многое представится въ новомъ свѣтѣ, но общіе выводы едва ли потерпятъ существенное измѣненіе, послѣ того, какъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ издано столько историческаго матеріала и вопросъ подвергся специальной и общей разработкѣ въ сочиненіяхъ проф. Закржевскаго, Шуйскаго, Бобржинскаго, Любовича, Вержбовскаго и др.¹⁾.

III.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ развитіе польской національной исторіографіи въ XIX вѣкѣ и прослѣдили нѣсколько подробнѣе исторію изученія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ XVI вѣка. Мы видѣли, что реформаціонная традиція была уже въ полномъ упадкѣ, когда зародилась первая польская исторіографическая школа Нарушевича, и что далеко не въ духѣ этой школы было воскрешать реформаціонную традицію. Вторая исторіографическая школа, лелевелевская, равнымъ образомъ обошла молчаніемъ это капитальное явленіе польской исторіи, и если во время господства этой школы два историка, къ ней не принадлежавшіе, занялись польскою реформаціей, то одинъ, самъ протестантъ, съ цѣлью доказать извѣстный протестантскій тезисъ, а другой изъ чисто ученаго любопытства фактопоклонническаго характера, которое не особенно заботится объ общихъ выводахъ и болѣе широкихъ обобщеніяхъ, и взгляды обоихъ, не гармонировавшіе съ духомъ всего направления, и не оказали никакого вліянія на общія идеи послѣдняго: труды графа Красинскаго и Лукашевича стоятъ совершенно особнякомъ въ польской исторіографіи своего времени, тѣмъ болѣе, что

¹⁾ Статья эта была уже написана, когда въ августовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1885 годъ помѣщена была статья проф. Н. Н. Любовича подъ заглавіемъ «Альбрехтъ, герцогъ прусскій, и реформація въ Польшѣ». Своею новою работою авторъ значительно дополняетъ свою «Исторію реформаціи въ Польшѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основательный этюдъ по одному изъ вопросовъ о вліяніи иноземныхъ вѣяній на Польшу. Послѣднее—общая черта работъ проф. Любовича, который старается приводить польскую реформацію въ фактическую связь съ родственными явленіями въ другихъ странахъ, что составляетъ одну изъ особенностей его отношенія къ предмету своихъ занятій—польскому протестантизму.

одно изъ нихъ, дѣлавшее попытку освѣтить съ извѣстной точки зрѣнія три послѣдніе вѣка самостоятельнаго существованія Польши, хотя и написанное полякомъ и о польскихъ дѣлахъ, никогда не дѣлалось достояніемъ польской литературы, такъ какъ было издано на англійскомъ языкѣ и не дождалось перевода на родной языкъ автора. Если мы видимъ, что въ современной польской исторической литературѣ реформаціи болѣе посчастливилось, и вопросъ о ней въ томъ или другомъ смыслѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и образованнаго общества, то одна изъ причинъ этого заключается въ существованіи нѣкотораго внутренняго соотношенія между задачами и духомъ теперешняго направленія польской исторіографіи, съ одной стороны, и даннымъ историческимъ предметомъ — съ другой. При господствѣ возрѣній Нарушевича и Лелевеля о реформаціи вспоминать было щекотливо или бесполезно: духъ новаго направленія польской исторіографіи таковъ, что число щекотливыхъ вопросовъ для нея значительно уменьшилось, а задача, которую ставятъ себѣ современные польскіе историки, такова, что ея разрѣшеніе, по самой сущности дѣла, требуетъ необходимо изслѣдованія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Поэтому мы и позволяемъ себѣ считать очень характернымъ признакомъ этой исторіографіи въ настоящее время, что въ ней выдвинулся и получилъ важное значеніе вопросъ, находившійся раньше въ забвеніи и пренебреженіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ явились люди, которые, указавъ ему его мѣсто въ общей исторіи Польши, стали трактовать его *sine ira et studio*, умѣя оставаться „нейтральными между Римомъ и Женовой“, за неизбѣжными въ подобныхъ случаяхъ исключеніями, представляемыми въ данномъ случаѣ проф. Шуйскимъ, католикомъ-доктринеромъ, и ксендзомъ Буковскимъ, католикомъ-фанатикомъ. Первый примѣръ этого безпристрастія былъ поданъ Лукашевичемъ, но ему легко было соблюдать нейтралитетъ при полномъ отсутствіи общихъ выводовъ объ историческомъ значеніи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ: послѣдній вопросъ впервые былъ поставленъ графомъ Красинскимъ, но для рѣшенія его у него не было ни достаточнаго количества матеріаловъ, ни необходимаго нейтралитета между Римомъ и Женовой при тенденціозномъ до извѣстной степени характерѣ его книги. Поляки, такъ сказать, перестали стыдиться своего временнаго отступничества отъ католицизма и стали научно выяснять происхожденіе, сущность и значеніе этого явленія, связывая вопросъ съ перемѣнившимися общими взглядами на политическую исторію Рѣчи Посполитой.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ послѣднихъ работъ по польской реформаціи заключается въ установленіи и объясненіи ея чисто-шляхетскаго характера: это—общее мѣсто польскихъ историковъ, это — одинъ изъ главныхъ тезисовъ русскихъ диссертаций г. Жуковича и профессора Любовича ¹⁾. Въ связи протестантизма съ шляхтою найдена точка, отъ которой нужно отправляться при изученіи причинъ и судебъ реформаціоннаго движенія и изслѣдованіи его роли и значенія въ политической исторіи Рѣчи Посполитой: реформація и вызванная ею католическая реакція произошли какъ разъ въ то время, когда Польша стала превращаться въ шляхетскую *Rzeczpospolita* (республику) съ политическимъ, социальнымъ и экономическимъ преобладаніемъ шляхты, господствующей на сеймахъ и выбирающей королей, надъ отданными въ жертву иноземцамъ горожанами и совершенно безправной массой хлоповъ. Если въ Польшѣ было реформаціонное движеніе, то потому, что оно соотвѣтствовало характеру шляхетской образованности и стремленію шляхты нанести ударъ ненавистному для нея духовенству; если польская реформація играла политическую роль, то потому, что съ дѣломъ религіи самая интеллигентная и политически развитая часть шляхты соединила дѣлую программу „направы Рѣчи Посполитой“ или, вѣрнѣе, потому, что авторы этой программы и сеймовые ея борцы были протестанты. Новый матеріалъ, проливающий свѣтъ на эту сторону дѣла, сеймовые діаріи, явился какъ нельзя болѣе кстати, чтобы показать всю важность изученія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ: еслибъ оно оставалось только въ области религіи и вообще міросозерцанія, въ сторонѣ отъ практической политики, оно для польскаго историка не представляло бы такого интереса, какой представляетъ теперь. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что антитринитаризмомъ вообще и въ частности соцініанизмомъ, столь важными въ исторіи религіозныхъ

¹⁾ *Жуковичъ*, тез. 2: Оппозиція католичеству совпала въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ съ сословною враждою дворянства къ духовенству, прогрессивно возраставшею съ увеличеніемъ могущества шляхты.—Тез. 7: Особенную силу польскому реформаціонному движенію сообщало объединеніе религіозно-реформаціонныхъ стремленій польскаго общества съ социально-реформаторскими тенденціями польской шляхты и т. д. *Любовичъ*, тез. 1: Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка. Тез. 10: Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому по справедливости можетъ быть названо шляхетскимъ.

идей на Западѣ, польскіе историки интересуются очень мало, именно вслѣдствіе того, что эти „ереси“ сами по себѣ не играли политической роли. Тѣмъ болѣе реформація въ одной религіозной, интеллектуальной и моральной своей сторонѣ должна была бы мало интересовать польскихъ историковъ, что въ указанныхъ проявленіяхъ она не оказала никакого вліянія на дальнѣйшую жизнь польскаго общества, будучи искоренена католическою реакціей, такъ какъ польскіе историки въ общемъ весь интересъ изученія своей исторіи сосредоточиваютъ на политическихъ судьбахъ своей націи и очень мало занимаются тѣмъ, что представляетъ болѣе отвлеченный, теоретическій интересъ: указанная связь реформаціи съ внутреннею политикой въ Польшѣ XVI вѣка, когда именно происходило превращеніе Польши въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, и придаетъ живой характеръ работамъ по исторіи польской реформаціи и вызываемой ими полемикѣ. Безъ этого, пожалуй, въ польской исторіографіи не нашлось бы общей идеи, съ которою можно было бы связать изученіе этого предмета, чтобы придать ему живость, такъ какъ отвлеченные, теоретическіе интересы въ этой исторіографіи развиты слабо, а изученіе чего бы то ни было историческаго, не связанное съ какою-нибудь общою идеей, всегда отличается безжизненностью. Правда, оживленію вопроса содѣйствовало и то обстоятельство, что для католической страны былъ новостью научный объективизмъ Закржевскаго и Бобржинскаго въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, и что въ странѣ нашлись въ достаточномъ количествѣ историки, для которыхъ реформація—грѣхъ противъ Римской церкви и истинной цивилизаціи, развивавшейся подъ руководствомъ средневѣковаго католицизма, но и здѣсь полемика должна была обостриться въ виду того, что приходилось примѣнять общіе взгляды на реформацію къ разсмотрѣнію политическихъ судебъ родной націи: изъ-за чего безъ этого было бы полемизировать, разъ борьба протестантизма съ католицизмомъ за господство надъ Польшей давнымъ давно окончена ¹⁾).

Мы сказали выше, что лелевелевская школа не сумѣла связать вопросъ о польской реформаціи съ своими историческими воззрѣ-

¹⁾ Книжка *Шуцкаго* *Odrodzenie i reformacja* направлена противъ взглядовъ *Закржевскаго* и *Бобржинскаго*. Последнему по поводу его „Исторіи Польши“ возражали *Шуцкій* и кс. *Калинка*. *Бобржинскій* во второмъ изданіи своей книги дѣлаетъ возраженія обоимъ (I, 22 sq.; II, стр. 62—63, 67—68, 71, 80—81, 95, 98—99). Излагать здѣсь всю эту полемику не мѣсто.

ніями: это произошло отчасти по тому, что для исторіи реформаціи мало было еще матеріала, отчасти въ силу самыхъ возрѣвнѣй школы на политическую исторію Польши. Лелевелевское направленіе создало пѣлкую фантастическую теорію объ историческомъ развитіи Польши, лестную для національной гордости, но не оправдываемую фактами: по этой теоріи, поляки въ собственныхъ глазахъ становились изъ народа, принадлежащаго къ младшимъ въ западной цивилизаціи, народомъ, опередившимъ цѣлый Западъ въ развитіи свободныхъ формъ государства, такъ что и вольная элекція королей, и конфедераціи, и даже *liberum veto* ставились въ заслугу политическому устройству старой Польши ¹⁾. Направленіе это опредѣлило національную идею, яко бы лежащую въ основѣ политическаго и общественнаго быта Польши: чѣмъ болѣе народъ приближается къ своему идеальному образцу, тѣмъ болѣе онъ развивается, и чѣмъ болѣе отъ него удаляется, тѣмъ, наоборотъ, скорѣе приходитъ въ упадокъ. Идея эта — общественная и политическая свобода, полное осуществленіе которой Лелевель видѣлъ уже въ первоначальной, болеславовской Польшѣ. Дальнѣйшій ходъ исторіи Польши съ этой точки зрѣнія представляется такъ: во второй періодъ (1139—1374 гг.) мощновладство, уничтожая вольности простаго народа и княжескую власть, отклоняется отъ польскаго идеала, и только въ третьемъ періодѣ происходитъ возвращеніе къ нему, хотя и не полное, такъ какъ шляхетская Рѣчь Посполитая не выполняетъ своей задачи, не освобождаетъ сельскаго народа и не осуществляетъ чистой республиканской формы; поэтому происходитъ въ ней внутренняя порча, которая приводитъ къ упадку, и только возвращеніе къ первоначальному „гминовладству“, то-есть, къ свободѣ сельскаго народа и къ республиканскому правленію можетъ вывести народъ изъ упадка ²⁾. Проводя такой взглядъ на исторію Польши, Лелевель идеализировалъ „золотую шляхетскую вольность“, установившуюся во второй половинѣ XVI вѣка, не смотря на ту анархію, къ которой она привела. Все построеніе Лелевеля противорѣчило фактамъ: той свободы, о которой мечтаетъ историкъ, при первыхъ Болеславахъ и въ поминѣ не было въ Польшѣ, а въ XIV и XV вѣкахъ шляхта еще далеко не судила и не рядила на сеймахъ. Разсматривая эту историческую конструкцію, мы находимъ въ ней, кромѣ догматовъ политическаго радикализма, навѣяннаго

¹⁾ Ср. *Szujski*, стр. III.

²⁾ *Bobrzyński*. I, 48—49.

французской революціей, идеализацію старыхъ порядковъ Рѣчи Посполитой, оправданіе польской исторической дѣйствительности. Въ послѣдней реформаціонное движеніе XVI вѣка имѣетъ, такъ сказать, эпизодическій характеръ, такъ какъ въ дальнѣйшей своей исторіи Польша была оплотомъ правовѣрнаго католицизма, объявившаго себя чрезъ посредство іезуитовъ именно стражемъ золотой вольности. Не мудрено поэтому, что Лелевель, относившій установленіе шляхетскаго гминовладства къ XIV вѣку, то-есть, за двѣсти лѣтъ до реформаціоннаго движенія, и начало порчи Рѣчи Посполитой къ XVII столѣтію, когда, впрочемъ, польское общество утвердилось въ правовѣрїи, долженъ былъ не останавливаться на реформаціи, какъ на событіи совершенно случайномъ.

Какъ реакція лелевелевскому взгляду, въ современной польской исторіографіи, стала высказываться мысль, что государство польское стало портиться и разстроиваться тотчасъ по смерти Болеслава Кривоустаго (1139), что шляхта, какъ анархическій элементъ, выступаетъ уже во времена Владислава Локотка († 1333), и что съ этой эпохи все понемногу, но неустанно приходитъ въ упадокъ. Съ этой точки зрѣнія, и о XVI вѣкѣ, который прежде, очень мало въ сущности будучи извѣстенъ, восхвалялся, какъ золотой вѣкъ Сигизмундовъ, стало составляться иное сужденіе: указывали на полное внутреннее разстройство, характеризовали шляхту на основаніи извѣстнаго факта „кокошей войны“, говорили и о реформаціи, какъ о замѣшательствѣ, происшедшемъ въ церковной жизни ¹⁾. Но вотъ оказалось, что среди протестантовъ польскихъ была цѣлая партія съ политической программой, которая не удалась, но проведеніе которой измѣнило бы государственное устройство Рѣчи Посполитой: таковъ именно взглядъ Бобржинскаго ²⁾, и это сразу подняло значеніе вопроса о реформаціи въ Польшѣ. Изучая болѣе основательно всю историческую послѣдовательность политическаго существованія польскаго народа, новые его историки поняли, что XVI вѣкъ былъ эпохой поворота въ его развитіи, поворота на ту дорогу, которая привела Рѣчь Посполитую къ паденію ³⁾, а такъ какъ именно въ эту эпоху случилась рефор-

¹⁾ Ibid, I, 22.

²⁾ Ibid., II, 68 sq.

³⁾ Bez zaprzeczenia była epoka 1507 — 1572 r., zwykle złotym wiekiem Zygmunatów zwana, zwrotową w dziejach państwa polskiego. *Szujski*, 194. *Bobrzyński*,

мація, такъ какъ протестантская шляхта временно господствовала на только что установившихся сеймахъ, такъ какъ у этой шляхты была цѣлая политическая программа, то изученіе реформаціи и было связано съ изслѣдованіемъ этой поворотной эпохи въ польской исторіи. И Шуйскій, не расположенный къ реформаціи, и Бобржинскій, полагающій, что реформація могла бы быть въ высшей степени полезною для Польши, одинаково считаютъ важными стремленія польской шляхты въ реформаціонный періодъ ¹⁾, хотя отношеніе обоихъ историковъ къ политической программѣ протестантской шляхты совершенно различное.

Вотъ почему мы и сказали выше, что самая задача, которую ставить себѣ современная польская исторіографія, заставляетъ представителей послѣдней съ бѣльшимъ, нежели прежде, вниманіемъ отнестись къ реформаціонному движенію. По той же причинѣ на первый планъ была выдвинута политическая сторона реформаціи, и съ этой стороны все движеніе главнымъ образомъ и оцѣнивалось безпристрастными историками ²⁾. Элементъ чистой любознательности вслѣдствіе которой можно интересоваться прошедшимъ, внѣ всякаго его отношенія къ настоящему, и историческими явленіями изъ жизни чужихъ народовъ, внѣ всякаго ихъ отношенія къ своей національной исторіи, не играетъ видной роли въ польской исторіографіи: на это указываетъ одно то обстоятельство, что польскіе историки берутъ темы исключительно изъ своего прошлаго и всѣ его крупныя явленія обсуждаютъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ политическому паденію Рѣчи Посполитой со всѣми его послѣдствіями для настоящаго и предполагаемаго будущаго польской націи. „Съ какою же цѣлью“, говоритъ профессоръ Бобржинскій, — „обращаемся мы съ свѣточемъ науки къ изслѣдованіямъ, результатовъ коихъ нельзя излагать

указывая на то же (см. т. II, стр. 22 и 24), заключаетъ такъ: *przełom jest więc tak wielki, tak zasadniczy, jakiego nigdzie indziej, nawet w XIII wieku nasze nie wskazują dzieje*, стр. 25.

¹⁾ Мיעіcił się w tym ruchu egzekucyi potężny żywioł wstrząsający społeczeństwem, a od przebiegu tej sprawy zależała cała przyszłość państwa, religijna, polityczna i społeczna. *Szujski*, 180. Był to niewątpliwie najszerszy polityczny program, na jaki naród polski zdobył się w ciągu dziesięciu wieków swego istnienia. *Bobrzyński*, II, 71.

²⁾ Противъ такого отношенія къ дѣлу высказался кс. *Калинка* въ своей рецензіи „О książce M. Bobrzyńskiego *Dzieje Polski w zarysie*“.

и читать безъ сердечной боли. Одинъ ли научный девизъ (*hasło naukowe*), однѣ ли цѣли историческаго знанія сообщаютъ этимъ изслѣдованіямъ необходимыя настойчивость и силу? Отвѣчаемъ, что нѣтъ, — и за это мнѣніе насъ не осудить никто, хотя бы имѣлъ самое высшее понятіе о научномъ значеніи. Кто съ девизомъ „во имя правды“ обращается къ исторіи уиадка собствениаго народа, тотъ долженъ чувствовать, долженъ быть убѣжденнымъ въ томъ, что изъ печальнаго своего путешествія вынесетъ для націи непосредственную пользу“ ¹⁾. Вотъ почему ни одинъ отдѣлъ польской исторіи не разрабатывался національными историками съ такою охотой, какъ исторія „разборовъ“ Рѣчи Посполитой ²⁾, и по той же причинѣ вопросъ о реформаціи въ Польшѣ главнымъ образомъ былъ поставленъ такъ, что въ виду имѣлась преимущественно роль этого явленія въ судьбахъ Рѣчи Посполитой, какъ государства: это мы могли видѣть уже изъ нашего краткаго изложенія мнѣній польскихъ историковъ на этотъ счетъ. Но при всемъ томъ ими чувствуется потребность обращаться за сравненіями къ исторіи другихъ странъ, и дѣйствительно, мы видимъ, что, напримѣръ, Бобржинскій, говоря о томъ, что могла сдѣлать и сдѣлала въ дѣйствительности реформація въ Польшѣ, указываетъ, хотя бѣгло и поверхностно, на результаты реформаціоннаго движенія въ другихъ странахъ, гдѣ такое явленіе имѣло мѣсто. Въ этой работѣ вѣроисповѣдныя воззрѣнія отходятъ на задній планъ, но все-таки не избѣгается односторонность, вытекающая изъ самой постановки вопроса: польскіе историки не обнаруживаютъ ни малѣйшаго стремленія взглянуть на реформацію, имѣвшую мѣсто въ Рѣчи Посполитой, съ общей точки зрѣнія: явленіе это имѣетъ отношеніе не къ одной польской исторіи, но и вообще къ западно-европейской, — а именно, повторяемъ, антитринитаризмъ, напримѣръ, развившійся къ концу XVI вѣка на польской почвѣ, которымъ способенъ заинтересоваться историкъ, изучающій религиозныя и умственныя движенія новаго времени, наименѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе польскихъ историковъ, такъ какъ научное изслѣдованіе этого явленія не выясняетъ дальнѣйшихъ политическихъ судебъ Рѣчи Посполитой. Впрочемъ, это — особенность всякой національной исторіографіи: послѣдняя разсматриваетъ явленія прошлаго по ихъ отношенію къ данному національному и политическому бытію, и у польскихъ историковъ,

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 344.

²⁾ *Ibid.*, II, 296.

вообще не разрабатывающих темъ изъ чужаго прошлаго, эта черта выступаетъ особенно рельефно, то-есть, у нихъ отвлеченный интересъ званія отступаетъ на задній планъ передъ занятіемъ исторіей, какъ средствомъ національнаго самосознанія. Уже и того однако довольно, что въ послѣднемъ отношеніи поляки сдѣлали значительный шагъ впередъ за послѣднее время. Долгое время ихъ историки, на основаніи правила: „de mortuis aut bene, aut nihil“, старались проходить молчаніемъ все дурное въ своей исторіи, дурное вообще, или таковое съ спеціально польской, условной точки зрѣнія, старались только возбудить сожалѣніе къ своей судьбѣ, или прямо прославляли свое прошлое, дѣлая изъ падшей Рѣчи Посполитой какую-то мистическую искупительную жертву человѣчества съ фантастическимъ будущимъ, и пользуясь не научнымъ взглядомъ на это прошлое для обоснованія своей политической программы, которая не соответствовала ни дѣйствительной исторіи Польши, ни современнымъ обстоятельствамъ, ни настоящимъ матеріальнымъ и духовнымъ силамъ націи, при чемъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ два послѣдніе вѣка самостоятельнаго существованія Рѣчи Посполитой. Теперь наступило время иной оцѣнки прошлаго польской націи, и весьма характерно то, что щекотливый прежде вопросъ о реформаціи въ Польшѣ начинаетъ получать въ національной исторіографіи надлежащее освѣщеніе, въ которомъ не пробиваются вѣроисповѣдныя тенденціи и еще болѣе отсутствуютъ фантастическія представленія о какомъ-то исключительномъ историческомъ положеніи старой Польши въ ряду другихъ европейскихъ государствъ.

Если, однако, въ постановкѣ вопроса о реформаціи польскою исторіографіей есть нѣкоторая односторонность, то не забудемъ, что, предметомъ занимаются и историки другихъ націй. Правда, нѣмцы, которые кое-что дѣлали въ этомъ отношеніи,—большею частью писали о польской реформаціи съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, заинтересованные предметомъ, какъ лютеране; но въ русскихъ трудахъ, подобныхъ сочиненіямъ гг. Любовича и Жукевича, мы имѣемъ работы, предпринятія въ чисто научномъ интересѣ: отсюда можно ожидать вообще постановки вопроса на болѣе широкую почву ¹⁾, и для поль-

¹⁾ Профессоръ Любовичъ особенно расширяетъ постановку вопроса, изучая на примѣръ польской реформаціи вообще общественную роль религіозныхъ движеній. Другой вопросъ—на сколько полна и всеобъемлюща историческая теорія этого автора.

скихъ историковъ это не можетъ пройти совершенно безслѣдно въ виду того, что они перестаютъ игнорировать то, что дѣлается для прошлаго ихъ націи не-поляками. Для русскаго изслѣдователя, помимо общаго историческаго интереса, польская реформація имѣетъ и другой, такъ какъ въ составъ старой Рѣчи Посполитой въ ея польской и литовской частяхъ входили русскія области, съ православному населеніемъ, на которыхъ также отразилось реформаціонное движеніе: достаточно вспомнить о силѣ антитринитаризма среди шляхты юго-западной Руси ¹⁾. Для польскихъ историковъ положительно необходимо большее знакомство съ русской исторической литературой, и одно то, что книга профессора Любовича обратила на себя вниманіе поляковъ, сдѣлавшись предметомъ множества критическихъ статей и рецензій, указываетъ на значительный поворотъ въ этомъ отношеніи къ лучшему.

Мы начали съ заявленія о томъ, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе польская историографія сдѣлала большіе успѣхи. На частномъ примѣрѣ изученія польской реформаціи XVI вѣка мы видимъ, что въ немъ дѣйствительно можно усмотрѣть научный прогрессъ, и подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, мы имѣемъ право сказать, что прогрессъ этотъ проявился въ слѣдующемъ:

1) Усилились разработка новаго архивнаго матеріала и изданіе историческихъ памятниковъ.

2) Обращено вниманіе на эпохи и явленія, которыя раньше трактовались очень поверхностно или совсѣмъ почти игнорировались.

3) Въ изслѣдованіе стало вноситься больше научнаго духа, враждебнаго всякимъ предвзятымъ мнѣніямъ, некритическимъ традиціямъ, ложной тенденціозности.

4) Сознана потребность въ знакомствѣ съ исторіей другихъ странъ для сравненія съ нею своей.

5) Покидается систематическое игнорированіе дѣлаемаго для польской исторіи учеными, принадлежащими къ другимъ націямъ.

Если бы мы захотѣли указать на одно какое-либо сочиненіе, на которомъ отразился рельефнѣе всего этотъ прогрессъ польской историографіи, то не нашли бы, по моему мнѣнію, лучшаго примѣра, какъ „Исторія Польши“ Бобржинскаго: въ ней впервые собрано было воедино все, что проливаетъ новый свѣтъ на прошлое Рѣчи

¹⁾ См. ст. г. Левинскаго „Соціанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси“.

Посполитой, и общій взглядъ на это прошлое отличается въ ней отъ прежняго, какъ небо отъ земли ¹⁾). Но здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать указанную книгу: для этого нужна была бы особая статья ²⁾).

¹⁾ Въ предисловіи къ первому изданію его *Dziejów Polski w zarysie* читаемъ,—и это совершенно вѣрно: *Dzisiejsza praca dziejopisarska, skupiając się niemal wyłącznie w drobniejszych rozprawach i monografiach, rozświecając najważniejsze pytania i szczegóły rzuca zarazem na całość dziejów wielkie i ożywcze światło. Przed oczyma historyków, spostrzeżenia swoje nieustannie między sobą wymieniających, staje wskutek tego nowy zryw do budowy dziejów ojczystych, oddalony o całe niebo od tego wszystkiego, czegośmy się przedtem z książek historyą polską wykładających uczyli.*

²⁾ Мы видѣли, что авторъ книги отвелъ значительное мѣсто реформаціи. Въ предисловіи къ 1 изд. онъ самъ говоритъ: strzegłem się nienaturalnego rozciągnięcia dziejów XVII i XVIII wieku, pragnąłem natomiast jak najwyraziściej podnieść wiek XV i XVI, chwilą naszego najwyższego w przeszłości rozkwitu.

Biblioteka WSP Kielce

0326931